

БОЛЬ И ВЕРНОСТЬ

О ЛЮБВИ К ОДНОМУ «ДИНАМО»
И О ЛЮБВИ КО ВСЕМУ ФУТБОЛУ
В РАССКАЗАХ
СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И БОЛЕЛЬЩИКОВ

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

18+

СМЫСЛОВАЯ 226

Д ДИКСИ

Москва: место встречи

**Боль и верность. О любви
к одному «Динамо» и о
любви ко всему футболу
в рассказах современных
писателей и болельщиков**

«Смысловая 226»

2026

Боль и верность. О любви к одному «Динамо» и о любви ко всему футболу в рассказах современных писателей и болельщиков / «Смысловая 226», 2026 — (Москва: место встречи)

ISBN 978-5-17-187283-0

О любви к одному «Динамо» и о любви ко всему футболу в рассказах современных писателей и болельщиков. Совместный проект Редакции Елены Шубиной и книжного сообщества «Смысловая 226». Автор идеи – Сергей Захаров. Составитель сборника – Дмитрий Данилов. Иллюстратор – Ольга Пташник. Перед вами – книга о клубе «Динамо», а также – шире – о футболе в целом и о футбольном болении как феномене. Думаю, каждый болельщик поймёт, почему мы назвали книгу «Боль и верность». У «Динамо» – великая, легендарная, золотая история. 11 чемпионств СССР и 7 Кубков, статус одной из сильнейших команд страны на протяжении десятилетий, знаменитое турне по Британии 1945 года (после которого по всему миру появились ещё десятки «Динамо!»), величайший вратарь в истории мирового футбола Лев Яшин и множество других великих игроков и тренеров... И на этом фоне – очень тяжёлая современность: почти полное отсутствие трофеев за последние полвека (!) и ставшая уже легендарной «динамовская невезучесть». Но болеть за великих неудачников (а не за тех, кто завоёвывает трофеи и побеждает здесь и сейчас) – разве это не высшая форма любви к клубу? Если ты когда-то стал болеть за «Динамо» и у тебя есть сердце – ты не бросишь этот несчастный и великий клуб. ...И когда-нибудь дождёшься настоящего, большого триумфа. В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-17-187283-0

, 2026

© Смысловая 226, 2026

Содержание

Дмитрий Данилов	6
Боль и верность: чьи и почему?	7
Писатели о футболе	10
Дмитрий Данилов. Сорок два года	10
Григорий Служитель. Смирение	21
Сергей Шаргунов. Боль неболения	27
Владимир Березин. Скамейка запасных	36
Рагим Джафаров. Традиция (пьеса в двух таймах)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Данилов
Боль и верность. О любви к одному «Динамо» и
о любви ко всему футболу в рассказах
современных писателей и болельщиков

© «Смысловая 226», тексты
© Бондаренко А., дизайн
© Пташник О., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Боль и верность: чьи и почему?

От составителя

Перед вами – книга о московском футбольном клубе «Динамо», его болельщиках и тех эмоциях, которые они переживают. И – шире – о футболе в целом и о футбольном болении как социокультурном и эмоциональном феномене. Думаю, каждый динамовский (и не только динамовский) болельщик сразу поймёт, почему мы назвали книгу «Боль и верность». Но мы надеемся, что её будут читать не только болельщики, не только люди, интересующиеся футболом и знающие его. И вот для них требуются некоторые пояснения.

У московского «Динамо» – славная, золотая история. Первые чемпионы СССР (весеннее первенство 1936 года, шесть побед из шести возможных, стопроцентный результат, который никогда уже не будет никем повторён). 11-кратный чемпион СССР, 7-кратный обладатель Кубка страны. За «Динамо» играл один из величайших вратарей (многие эксперты считают, что – величайший) в истории мирового футбола Лев Иванович Яшин, символ клуба. Это единственный вратарь, который получил приз лучшему игроку Европы «Золотой мяч». Обычно этим призом награждают нападающих и полузащитников, редко – защитников. Вратаря наградили один раз – динамовского голкипера Льва Яшина в 1963 году.

Отдельно нужно отметить знаменитое динамовское турне по Британии осенью 1945 года. Победа в Великой Отечественной была совсем недавно, мы были всё ещё союзниками, и этот визит символизировал дружбу между двумя державами.

Британцы, родоначальники футбола, тогда считались практически непобедимыми – они даже не участвовали в международных соревнованиях, считая себя «выше всего этого». И вот какие-то неизвестные футболисты из далёкой Москвы в четырёх матчах с британскими корифеями футбола одерживают две победы и два раза играют вничью, ни разу не проиграв. Для островных футбольных специалистов и болельщиков это стало абсолютным шоком. После этого «Динамо» на долгие годы стало единственной известной в мире советской футбольной командой. В Англии до сих пор существует два клуба с названием «Динамо» – в память о том славном турне.

Кстати, разных «Динамо» и в нашей стране, и по всему миру существует великое множество. Это, наверное, самое распространённое в мире клубное имя, от Америки до Африки, не говоря о Европе (говорят, что в одной Германии их – около сорока). Каждое «Динамо» в России и в мире требует к своему имени название города или страны: «Динамо Брянск», «Динамо Киров», «Динамо Тбилиси», «Динамо Дрезден», «Динамо Бухарест», «Динамо Киев», «Динамо Загреб», «Динамо Хьюстон». И есть только одно «Динамо», которое *не требует уточнения*. Когда говорят просто «Динамо», имеется в виду именно московский клуб. Самый первый. И, кстати, единственный из российских «больших клубов», который никогда в своей истории не менял название. С 1923 года, со дня основания, – только «Динамо».

В общем, у «Динамо» по-настоящему великая история.

...И вот у клуба с такой историей – очень тяжёлая современность. Главная динамовская беда – мы уже 50 лет не были чемпионами страны. Последний (на данный момент) раз это случилось весной 1976 года. Дальше – как отрезало. С тех пор команда завоевала всего два титула – Кубок СССР 1984 года и Кубок России 1995 года. Больше – ничего. Два титула, и не главных, за полвека.

При этом команда все эти полвека остаётся «большим клубом» по национальным меркам. Это очень условное, но очевидное для всех интересующихся футболом понятие. К «боль-

шим клубам» относят четыре главные московские команды («Динамо», ЦСКА, «Спартак» и «Локомотив») плюс питерский «Зенит». «Краснодар» сейчас тоже претендует на вхождение в это число, но у него на данный момент только одно чемпионство, больше титулов нет. Этого пока маловато, да простят меня уважаемые мною поклонники чёрно-зелёных. И, наоборот, из числа «больших клубов» в XXI веке выбыло московское «Торпедо», которое, со всем своим историческим величием советских времён, уже долгие годы скитается по низшим лигам (однажды даже скатились до любительского статуса). Торпедовцев в четвёрке московских «больших клубов» в последние 30 лет сменил столичный «Локомотив».

К чему я это всё рассказываю: к тому, что «Динамо» почти каждый год ставит перед собой задачу стать чемпионом. Собирается крепкий или даже прямо-таки звёздный состав, декларируется высокая цель, и болельщики говорят друг другу уже привычное «следующий сезон точно наш» (теперь это стало уже шутливым, самоироничным мемом).

И – ничего не получается.

Просто совсем ничего.

Нет, что-то иногда получается. В 1986-м и в 2024-м чуть не стали чемпионами, прекрасно играли... Не хватило нужного результата в последнем матче. Были, опять-таки, два Кубка. Были призовые места. Были шесть побед из шести в группе Лиги Европы. Но это всё – не то.

Хочется настоящего, большого триумфа. А его нет. Надежды есть, жадное ожидание, жажда есть, а триумфа всё нет.

И всё это – на фоне великой, легендарной, золотой истории. На фоне Яшина, британского турне, первого в истории страны чемпионства.

И ещё: всё это на фоне великой, легендарной динамовской невезучести. Бесконечные проигранные на последних секундах матча. Бесконечные поражения при нашем давлении и единственном ударе соперника в створ ворот. Бесконечные поражения после нелепых, необъяснимых, случающихся «раз в жизни» ошибок.

Всё это создаёт особое эмоциональное состояние болельщика «Динамо». Вот эти самые боль и верность.

Боль – потому что от всех этих идущих косяком неудач, от всех этих ран на болельщиком сердце образовался уже целый рубец. Слишком много страданий. Пусть это и чисто игровые страдания; они, конечно же, не сравнимы с настоящими страданиями, где есть горе и смерть. И всё же – это тоже страдания.

Верность – потому что невозможно перестать болеть за этот клуб. Невозможно просто вот так бросить его посреди всей этой почти бесконечной истории неудач. Если ты когда-то стал болеть за «Динамо» и у тебя есть сердце – ты не бросишь этот несчастный великий клуб. Ты примешь на себя этот обет боли и будешь её нести – с юмором и самоиронией, свойственной динамовским болельщикам.

...И когда-нибудь – дождёшься настоящего, большого триумфа.

В этой книге – два раздела.

В первом разделе мы поместили тексты современных русских писателей. Не только и не столько о «Динамо» (динамовских болельщиков среди нынешней литературной элиты, прямо скажем, немного), сколько о футболе вообще и о феномене боления и болельщицкой верности в частности.

Второй раздел – это высказывания динамовских болельщиков о том, как они начали болеть за «Динамо» и что им помогает сохранить верность клубу при всех его неудачах. Мы собрали свидетельства самых разных людей – и обычных болельщиков, и знаменитостей, и людей, которых не знают широкие массы, но которые добились выдающихся успехов в своих профессиях.

Мы приняли очень спорное решение, которое, наверное, не понравится многим динамовским болельщикам: дали слово болельщице нашего самого главного противника, московского «Спартака», – Наталье Чумаковой, вдове великого, любимого миллионами музыканта и поэта Егора Летова. Я надеюсь, что динамовские болельщики нас не проклянут: Наталья прекрасно разбирается в футболе (как прекрасно разбирался в нём и сам Егор), и написала о «Динамо» очень уважительно, с большой симпатией.

Я сам – болельщик «Динамо» с 1983 года; мне было тогда 14 лет. Меня никто не привёл на стадион, было некому – у меня не было ни отца, ни брата. Пришёл за компанию с дворовым товарищем. Я на всю жизнь запомнил ту неказистую игру с «Нистру», в которой «Динамо» натужно победило 2:1. Динамовцы так сильно мучились, а стадион был настолько прекрасен, что я уже тогда понял: буду болеть за эту команду – всегда. Уже почти 43 года продолжается эта моя динамовская жизнь, полная разочарований. И, надо сказать, я ни о чём не жалею.

Потому что болеть за великих неудачников – это, я считаю, высшая форма боления.

Пусть динамовские болельщики не обижаются на меня за слова «великие неудачники». Сейчас мы такие и есть – в прошлом великие, но уже очень давно переживающие сплошные неудачи.

Да, мы такие.

Тем радостнее будет наш неизбежный триумф.

Дмитрий Данилов

Писатели о футболе

Дмитрий Данилов. Сорок два года

Всё это тянется сорок два года. Все эти надежды и разочарования. Вся эта беспросветность – с редкими просветами. Безднадёжность, и стойческое упорство, и снова надежды. Которые опять остаются бесплодными. Сорок два года уже. У меня есть таблица, где зафиксированы все посещённые мною футбольные матчи. На данный момент накопилось 345 игр. Из них игр с участием «Динамо» – всего 138, то есть меньше половины. Это объясняется тем, что я уже довольно много лет предаюсь такому специфическому хобби, как граундхоппинг: коллекционирую посещённые стадионы и описываю эти посещения. Бывал и на «Сантьяго Бернабеу», и на парижском «Стад Шарлети», и на стадионе «Юность» во Владивостоке, и на стадионе «Знамя Труда» в Орехово-Зуево. Поэтому посещаю далеко не только динамовские матчи. Но 138 игр «Динамо» – не так уж и мало для человека, у которого футбол и боление за свою команду – это не главное дело жизни, не главный её смысл. А я именно такой человек.

138 игр «Динамо», которые я видел воочию. Плюс ещё множество – по телевизору (их я не фиксирую, но многие помню). Вот сижу, листаю эту таблицу, вспоминаю.

13 июля 1983 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Нистру» 2:1

Я пришёл на этот матч нейтральным советским любителем футбола – болел только за сборную СССР, был поклонником «красивого футбола»: радовали интересные, с закрученным сюжетом и множеством голов игры.

А ушёл – болельщиком «Динамо».

Мне было уже 14 лет, и я ни за кого не болел. При этом все интересующиеся футболом знакомые ребята болели за какой-то клуб. Большинство, конечно, за «Спартак». Некоторые – за «Динамо». ЦСКА и «Торпедо» были в явном меньшинстве (только один парень в классе болел за армейцев). За ныне знаменитый и авторитетный «Локомотив» не болел никто; он болтался в Первой лиге, и его называли «пятым колесом московской футбольной телеги», на матчи собиралось человек по двести. Были знакомые, которые болели за могучее в восьмидесятые годы киевское «Динамо».

Я, конечно, задумывался, за кого бы мне всё-таки начать болеть. «Спартак» я отвергал сразу. Хотя он был на тот момент однозначно сильнейшей московской командой и играл в красивый футбол. Раздражало в нём – всё. И красная форма (хотя объективно она довольно красивая, с этой её белой поперечной полосой на груди, да и ромбик в принципе ничего так). И то, что в Москве за них болеет каждый второй. И этот их «красивый футбол», все эти «стеночки и забегания», весь этот балет. Уважал киевлян – за силовой, героический футбол, за их подавление соперников. А спартаковские кружева почему-то прямо вот бесили. Очень раздражали их лёгкие победы, практически без борьбы. 2:0 на 60-й минуте, мяч всё время у них, порхают, летают по полю, дело сделано. Прямо вот дико раздражало всё это.

Про «Динамо» ничего особо не думал. Знал, что это великий клуб, первый чемпион СССР, знал, что в нём играл Лев Яшин, лучший вратарь всех времён и народов. Знал, что клуб в последние годы влачит довольно жалкое существование. Ну да, знал всё это. И это знание как-то ни на что особо не влияло.

Примерно такая же история была с ЦСКА и «Торпедо». Да, великие клубы, да, Бобров и Стрельцов, да, сейчас играют бледно. Никаких эмоций. Ни симпатии, ни отторжения (как в случае со «Спартаком»).

Думаю, был шанс стать болельщиком «Локомотива», первого обладателя Кубка СССР, пребывающего в те годы в полном ничтожестве. Я в детстве очень любил, да и до сих пор люблю, железные дороги. Присматривался к несчастному клубу, но как-то не хотелось болеть за команду Первой лиги.

Болеть за команду из другого города (имеется в виду киевское «Динамо») не считал для себя возможным, как-то по определению. Хотя, должен сейчас признать, все восьмидесятые симпатизировал киевским одноклубникам в их матчах против «Спартака».

Вот таким неопределившимся «любителем футбола» я пришёл в июле 1983 года на матч «Динамо» – «Нистру».

Как я уже говорил, мне было к тому времени 14 лет. Так получилось, что меня некому было привести на футбол и передать мне по наследству боление за какой-нибудь клуб. Я рос без отца, старшего брата у меня тоже не было.

Я смотрел телевизионные репортажи о матчах, и они меня вполне устраивали. Показывают повторы лучших моментов, комментаторы комментируют. Надо сказать, что тогдашние советские комментаторы комментировали на очень примитивном уровне. Их комментарий сводился, в основном, к конструкциям вида «фамилия – технико-тактическое действие – снова фамилия – скупая эмоция». «Иванов отдал Петрову, Петров продвигается вперёд, пасует Сидорову, Сидоров теряет мяч. Эх, Сидоров, ну как же так!». Ничего общего с сегодняшней комментаторской феерией, когда ведущий обрушивает на тебя огромное количество важной и интересной информации, начиная с истории противостояния команд и заканчивая последними трансферными новостями. Нет, тогда всё было максимально скучно и бессодержательно: «Иванов отдал Петрову, и Петров потерял мяч. Удар от ворот». Правда, это помогало быстро запомнить составы главных команд.

В общем, меня эти репортажи полностью устраивали.

Но мой дворовый товарищ Вовка, занимавшийся в динамовской футбольной школе (играл крайнего защитника), всё-таки уговорил меня пойти на стадион. И я пошёл. Купил билет, и...

На трибуне (это была Восточная трибуна старого стадиона «Динамо») я сидел один: Вовка задержался, остался встречать своих друзей, и мы разминулись. Стадион своим видом поразил меня в самое сердце: огромная бело-голубая чаша, изумрудное поле, красивые беговые дорожки, табло (примитивное, одноцветное, но тогда казавшееся шикарным), ясное небо, соответствующее цветам клуба (тогда я ещё не знал строчку из песни «нам небо дарит наших флагов цвета»). Всё было дико красиво.

Потом футболисты вышли разминаться – и это тоже было какое-то особенное зрелище, которое не увидишь по телевизору. Все эти вальяжные перебрасывания мячом (ты видишь это – и понимаешь, что скоро вальяжность исчезнет), все эти не очень сильные удары по воротам и не очень старательные прыжки голкиперов...

Потом началась игра. Поначалу я смотрел на неё глазами нейтрального зрителя – я им и был.

Тут нужно пояснить турнирную диспозицию. «Динамо» занимало 16-е место из 18 команд. Это была катастрофа – совсем рядом с зоной вылета (в Первую лигу выбывали две последние команды). А «Нистру» уверенно шёл на последнем месте. Молдавская команда только что вышла в Высшую лигу – и сразу нацелилась на возвращение обратно, в свою родную Первую. Молдаване были беспросветными аутсайдерами, за весь сезон они набрали всего десять очков: три победы, четыре ничьи и двадцать семь поражений (тогда за победу давали не три очка, как сейчас, а два, что я считаю более правильным). Играли реально плохо: ставили в каждой игре «автобус» – и всё равно пропускали, проигрывали большинство матчей с крупным счётом.

И вот эта команда сначала отбивает динамовские пенальти, а ближе к перерыву получает возможность уже самим пробить одиннадцатиметровый. Молдаване забивают – и к перерыву «Динамо» проигрывает 0:1. Проигрывает полному, безнадёжному аутсайдеру.

Надо сказать, что «Динамо» играло просто ужасно. Три подряд точных паса были удивительной редкостью. Команда ходила по полю пешком. На это было больно смотреть.

Во втором тайме «Динамо» продолжало играть вполне ужасно. Но нашим игрокам удалось в муках и судорогах затолкать два мяча в молдавские ворота, сделали это Латыш и Газзаев. И «Динамо» победило 2:1. Команда с великой историей в результате этой победы переползла с 16-го места в таблице на 15-е.

Я написал: «нашим игрокам». Изначально они для меня не были «нашими». Но я неожиданно для себя бурно радовался натужным динамовским голам. По ходу матча я начал болеть за эту нелепую команду – и хотел, чтобы она победила. Я хотел, чтобы победила команда, которая так плохо играет, но у которой такая великая история, такое красивое имя, такой прекрасный стадион, такая красивая бело-синяя форма.

Вот это сочетание нынешнего убожества и великого прошлого, великого, легендарного имени сделало своё дело. Это, знаете, как-то очень обаятельно. Как в старых книгах и фильмах было: «из знатного, но обедневшего рода» – такие персонажи всегда вызывали особую симпатию.

Ну и, конечно, стадион – я понял, что хочу здесь бывать постоянно, что мне здесь как-то особенно хорошо. Я потом побывал на самых разных стадионах – и убедился: ничего прекраснее того, старого стадиона «Динамо» не было, нет и не будет.

И стал ходить на «Динамо», стал болеть за «Динамо».

11 июня 1984 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Черноморец» (Одесса) 0:0

Возможно, худший по качеству игры матч «Динамо» из тех, которые я видел. Команда не бежала и даже не ходила, а просто стояла. Да даже и не стояла, а по большей части лежала, играла лёжа – сплошные бессмысленные подкаты. Каждый второй пас – в никуда или сопернику. Созидания нет, только разрушение. Никакой игры.

Запомнился эпизод – олицетворение этого, так сказать, футбола. Несильный пас из центра поля фланговому игроку. Фланговый игрок стоит и смотрит, как мяч медленно прокатывается в метре от него и выкатывается за боковую. Вот всё – примерно так.

Кажется, был ещё дождь, добавляющий унылости.

Когда игра закончилась, со своего места поднялся один из динамовских болельщиков и обратился с речью к окружающим его товарищам по несчастью (то есть к нам). Это была именно речь, а не просто реплика, брошенная соседу. Он стоял и говорил совсем рядом со мной, на пару рядов ниже. Я хорошо видел и слышал его. Это был высокий, ладный, статный мужик лет тридцати пяти с открытым, располагающим к себе русским лицом. Если нужно было бы выбрать плакатное лицо болельщика «Динамо», этот парень подошёл бы идеально. Он сказал примерно следующее: «Мужики, я болею за “Динамо” с 1963 года, за всё это время я не пропустил ни одного нашего матча в Москве, ходил на все игры. И вот сейчас я говорю вам: больше ноги моей не будет на этом стадионе! Никогда больше не приду на “Динамо”! Хватит, не могу больше на это смотреть! Они издеваются над нами! Всё, хватит, это был последний раз!». Все молча слушали, кивали.

Подумал тогда, что я, конечно, не перестану ходить на «Динамо» и болеть за эту команду. И зародилась слабая мысль, что для меня, наверное, красивая игра, красивый футбол, – это не самое главное. Можно и нужно продолжать болеть за команду, даже когда она играет вот так – безобразно, уныло, никак. Это – не главное.

А что главное, пока было не очень понятно.

24 июня 1984 года. Кубок СССР, финал. «Динамо» – «Зенит» 2:0 (в дополнительное время)

Между беспомощной игрой с «Черноморцем» и блистательной исторической победой в финале Кубка над «Зенитом» прошло меньше двух недель. Это была одна и та же команда. Причину этой колоссальной разницы я не понимал тогда – и не понимаю до сих пор. Остаётся только сказать банальное: «Это футбол».

Весь сезон «Динамо» провело в зоне вылета и рядом с ней, заняло в итоге 16-е место из 18, самое низкое (на тот момент) место во всей своей долгой истории. Ужасный, беспросветный сезон в чемпионате страны. И на этом унылом, серо-чёрном фоне – яркая вспышка, выступление в Кубке СССР. По пути к финалу победили чемпионов двух последних лет, обоих в гостях – «Днепр» обыграли 2:1, минское «Динамо» 4:0, легко и непринуждённо. И в финале обыграли чемпиона будущего – через полгода «Зенит» впервые в своей истории выиграл чемпионат СССР. Почему так? Загадка.

Не пошёл на стадион, смотрел финал Кубка по телевизору. До сих пор не могу простить себе это легкомыслие. Думал, что впереди у меня как у болельщика «Динамо» много финалов и титулов.

...Знал бы я тогда, что пройдёт больше сорока лет, и я за эти годы увижу только два титула, два выигранных Кубка, – и больше ничего. Но я не знал.

Сезон 1984 года запомнился ещё сенсационным вылетом из Высшей лиги великого клуба ЦСКА.

27 мая 1985 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – СКА (Ростов-на-Дону) 3:4

Был на этом матче вместе с моим одноклассником Володей Крупенниковым. Володю потом покалечили армейские сослуживцы (выкинули из окна казармы, перелом позвоночника, инвалидность). Он проявил себя как крайне волевой и мужественный человек, на инвалидной коляске совершал горные восхождения, заново научился ходить, стал знаменитым человеком и депутатом Госдумы.

«Динамо» к перерыву однозначно вело 3:0. Но во втором тайме ростовчане стали забивать голы один за другим. На 76-й минуте пенальти забил великий Андреев, счёт стал 3:4. «Динамо» показывало уже привычную мне беспомощность. Безропотно проиграли.

Я уже видел катастрофический, беспомощный футбол в исполнении «Динамо». Теперь я увидел катастрофическое в сюжетном плане поражение. Проиграть, ведя после первого тайма 3:0, – это, конечно, своего рода достижение, не всякая команда так может.

Я понял в этот день, что, если ты болеешь за «Динамо», никогда нельзя быть уверенным в исходе удачно складывающегося матча. Даже когда всё идёт хорошо, наши ребята способны «переломить ход встречи».

С того времени я приобрёл вкус к несколько дурацким шуткам примерно такого вида. За десять минут до конца матча «Динамо» ведёт 3:0, и я пишу в чат моим футбольным товарищам: «Есть небольшие шансы зацепиться за ничейку».

...СКА в первой половине того сезона держались молодцами, а во второй половине стали проигрывать всем подряд, заняли последнее место и вылетели из Высшей лиги. И с тех пор так ни разу в неё и не вернулись.

Я с большой симпатией отношусь к этой команде. Их победа над «Спартак» в московском матче 1984 года со счётом 6:1 навсегда останется в моём сердце. Жду возрождения этого великого клуба.

23 ноября 1985 года. Чемпионат СССР. «Нефтчи» (Баку) – «Динамо» 0:0

Это была не игра, а сплошная борьба. Смотрел, естественно, по телевизору. Кстати, немного странно, что эта битва аутсайдеров за сохранение места в Вышке была показана по тогдашнему центральному телевидению. Тогда не было никакого кабельного телевидения, только обычное, эфирное, в Москве это были четыре «программы» (как мы тогда говорили). Возможности купить подписку и смотреть все матчи чемпионата не было и в помине. Смотри, что дают. И вот, это корявое сражение включили в программную сетку одного из каналов, то ли Первого, то ли Второго.

«Динамо» для сохранения прописки в Высшей лиге надо было сыграть вничью. «Нефтчи», если я правильно помню, нужна была победа. И вот они бились. Игры как таковой не было, сплошная концентрированная борьба, подкаты, игра «в кость». Сыграли вничью, «Динамо» сохранило своё вечное (забегая вперёд – до 2016 года) место в вышке.

Когда ты – начинающий болельщик, каждая (ну, не каждая, ладно) игра чему-нибудь тебя учит. Вот эта неказистая игра с бакинцами зародила во мне мысль, которая наиболее полно выражается формулой «футбол – это война».

Не важно, красивая игра или нет. Не важно, как себя проявляют игроки. Всё – неважно. Важен – только результат. Всё остальное – забудется.

Была ли твоя заветная победа или ничья добыта красивым футболом или некрасивым мучением – всё это неважно, через несколько лет никто не будет этого помнить. А результат – останется в веках. Будет через двести или триста лет указан в исторических таблицах.

Футбол – это война. Важна только победа (или только ничья, если нужна ничья). В данном случае была нужна ничья – и она состоялась. Наши остались в Высшей лиге, из которой не вылетали никогда.

Почему-то для меня эта игра осталась одной из самых важных в моей болельщицкой истории. До сих пор помню.

29 ноября 1986 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Динамо» (Киев) 1:1

Сезон 1986 года был удивительным. «Динамо» начало привычно провально. После первых семи игр была одна победа, три ничьи и три поражения. Но потом вдруг что-то изменилось. Шесть побед подряд, в том числе над «Спартаком». Откуда-то появилась уверенность, классная игра. Я тогда ещё не был закоренелым пессимистом, «Динамо» ещё не успело намертво приучить меня к тотальному неудачничеству. И я просто, наивно радовался хорошей игре моей команды.

Надо сказать, что это был необычный сезон. Он был напрочь изуродован советской футбольной политикой. Ради подготовки к чемпионату мира в Мексике (летом 1986-го) сборную СССР на полгода заперли на «сборы». Советские спортивные начальники считали, что многомесячное сидение игроков на базе, в отрыве от своих семей и нормальной жизни, и бесконечные изнурительные тренировки, – это лучший способ подготовиться к важным международным соревнованиям.

Ещё было такое уродливое понятие, как «базовый клуб сборной», то есть клуб, игроки которого составляют большинство в национальной команде. В те годы таким клубом было киевское «Динамо». Советское футбольное руководство разработало «гениальный» план. Киевляне в первой половине сезона сыграли в чемпионате СССР минимальное количество игр, основная их часть была отложена на вторую половину сезона. Типа, надо было готовиться к выступлению за сборную страны. За это неудобство киевлянам была предоставлена важная льгота. Если на все команды распространялся абсолютно нелепый по нынешним временам «лимит ничьих» (по одному очку начисляется только за десять ничьих, дальше любая ничья, начиная с одиннадцатой, равна поражению), то киевлян это ограничение не касалось. До подобного уродства могли додуматься только советские футбольные власти.

Московским и киевским динамовцам предстояло провести две подряд встречи в самом конце сезона. Московское «Динамо» лидировало, и ему нужно было набрать два очка в очном противостоянии с киевлянами – либо просто один раз выиграть, либо два раза сыграть вничью.

И вот первый матч этого противостояния, в грандиозном московском спорткомплексе «Олимпийский». Крытый стадион вмещал 35 тысяч зрителей; столько и было на этом матче. На четвёртой минуте счёт открыл наш яркий блондин Василий Каратаев. Наше потенциальное чемпионство длилось почти весь матч, до 75-й минуты, когда Василий Рац сравнял счёт. 1:1.

Предстоял ещё матч в Киеве, где нам для чемпионства достаточно было сыграть вничью. Но я понимал, что – всё кончено, мы проиграем.

Смотрел киевский матч по телевизору. Наше «Динамо» играло хорошо, но киевляне как-то очень спокойно и деловито обыграли нас 2:1 и буднично стали чемпионами. При этом у наших команд были абсолютно одинаковые показатели побед, ничьих и поражений: 14–11–5. И по справедливости, по обычным правилам советского футбола положен был «золотой матч». Но нет. Из-за этого идиотского лимита ничьих московское «Динамо» лишилось возможности честно побороться за титул.

... Я продолжал учиться болению за «Динамо». Этот сезон научил меня, что в решающих матчах не надо полагаться на наше везение (его обычно нет), и что справедливость – это не про нас.

11 марта 1987 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Жальгирис» 1:0

15 марта 1987 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Динамо» (Минск) 1:1

Это были два ничем не примечательных матча. Трудная победа и обычная ничья. Игры происходили в «Олимпийском», это было обычным для весны и осени. Я помню эти игры, потому что они были для меня последними перед уходом в армию. Что означало прерывание моего футбольного боления на два года. Впрочем, прерывание моего футбольного боления волновало меня в те дни и месяцы меньше всего. Тогда меня вполне могли направить служить, например, в Афганистан. Повезло: направили в ГДР.

Но футбол на два года закончился. Смотреть – негде. Узнавать результаты – тоже негде. Иногда попадались газеты «Правда» и «Известия». «Красная Звезда» ещё была, писавшая в основном об армейском спорте. Видел, что с «Динамо» ничего интересного не происходит. 1987 год – десятое место. 1988 год – снова десятое место. А главное – в эти два года было совершенно не до футбола.

Правда, летом 1988 года наше подразделение рассадили в коридоре и показали нам по размещённому под потолком телевизору, как сборная СССР героически проигрывает в финале чемпионата Европы голландцам. Примерно половина «болельщиков» спала сидя.

Правда, не до футбола было.

6 июня 1989 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Арарат» 6:1

Вернулся из армии в середине мая, в начале июня пошёл на футбол, на родное «Динамо». Лёгкая, красивая, разгромная победа. Помню заголовок в «Футбол-Хоккее»: «Над “Динамо” бело-голубое небо». Было радостно, но как-то не вовлечённо. Выиграли – ну и хорошо.

13 октября 1989 года. Чемпионат СССР. «Динамо» – «Торпедо» 0:0

Унылая, жалкая игра под холодным дождём. Нечего вспомнить, кроме этого холода и дождя. Турнирного значения игра не имела – «Динамо» играло посредственно, несмотря на сильный состав. По итогам сезона заняло восьмое место.

Только недавно узнал, что это был первый динамовский матч известного ныне спортивного журналиста, ведущего «Матч-ТВ», голоса стадиона «Динамо» и моего хорошего товарища Дмитрия Дерунца. Он пишет об этом в книге, которую вы сейчас читаете. Оказывается, мы оба были на этом матче.

А больше в этой серой игре не было ничего интересного. Унылая, жалкая игра под холодным дождём.

* * *

После этого наступил длительный период охлаждения моего интереса к «Динамо» и к футболу в целом. Появились другие интересы. Новая, невиданная до этого литература. Первые, робкие и безрезультатные писательские пробы. Новые друзья, новая жизнь, новое всё. В моём

стремительном (искусственно задержанном двумя годами армейской службы) взрослении как-то не находилось места футболу.

Конечно, смотрел по телевизору игры сборной на чемпионатах мира и Европы. Смотрел отдельные матчи «Динамо». Помню игру 1994 года со всемогущим тогда «Спартаком»; долго вели 1:0, и только в конце пропустили; я сдержанно переживал.

В таком вот лайт-режиме я пережил победу в Кубке России 1995 года. На игру с «Ротором» не ходил, посмотрел по телевизору, сдержанно порадовался.

И всё.

Сейчас как-то даже страшно об этом вспоминать. Как можно было вот так равнодушно реагировать на это событие? На всего второй виденный в жизни трофей родного клуба?

А вот так.

Но вот что интересно. Совсем потерять интерес к футболу и «Динамо» – не удалось. Почти каждый день покупал в киосках «Спорт-Экспресс». Читал про «Динамо». Сдержанно радовался победам, сдержанно переживал поражения. Да, всё – сдержанно.

Сдержанно следил за чемпионской гонкой 1997 года, в которой у нас были шансы. Сдержанно переживал, что шансы эти так и не реализовались.

В блаженные нулевые годы я как-то оттаял. Понял, что от «Динамо» мне – не оторваться, начал опять следить за результатами, часто смотрел матчи команды по телевизору. Утвердился в сомнительной роли телевизионного болельщика. На стадион выбирался крайне редко. Запомнился один матч.

17 июля 2010 года. Чемпионат России. «Динамо» – «Ростов» 3:2

Это было специфическое время, когда над Россией установилась страшная, неподвижная жара. Лесных пожаров и сопутствующей гари ещё не было. Просто очень жарко и безветренно.

В один из вот таких тягостных летних дней вдруг решил пойти на футбол, на «Динамо». Команда тогда играла в Химках. Поехал на электричке, дошёл до стадиона, купил билет на трибуну «А», центральную.

Был чудесный летний вечер, над стадионом неподвижно висело красивое розовое облако. «Динамо» выиграло 3:2, сумасшедший гол забил Денис Колодин. Наверное, ничего особенного в этом матче не было, – но этот химкинский вечер как-то запомнился.

* * *

В десятые годы сначала всё продолжалось в лайт-режиме. А потом я задумал книгу. Книгу про «Динамо». Давно хотел написать что-то о футболе и о моём болении за «Динамо» – и всё никак не мог придумать, что именно написать.

Помог, как ни странно, Стивен Кинг. Случайно узнал, что он – лютейший бейсбольный болельщик, фанат «Boston Red Sox». Оказывается, он написал целую книгу про бейсбол и про своё боление. Книга переведена на русский, называется по-русски просто – «Болельщик». В книге описывается сезон «Бостона» 2004 года. Это именно тот сезон, когда команда впервые за 86 лет выиграла Мировые серии (то есть стала чемпионом главной лиги мира, MLB). Многие поколения болельщиков безуспешно ждали этой победы – и вот, Стивен Кинг (со своим коллегой-писателем Стюартом О'Нэном), наконец, дождался.

Я прочитал эту книгу (нельзя сказать, что она поразила меня своими литературными достоинствами) – и понял, что мне надо написать такую же книгу о «Динамо». Взять и описать весь сезон клуба. Ходить по возможности на все домашние матчи, и на выезда тоже выезжать, когда будет получаться. Не ставить себе задачу пробить «золотой сезон» – с моим рабочим

графиком это невозможно в принципе, – а просто пристально наблюдать и описывать сезон клуба.

Это был сезон 2014–2015 годов.

Итог простой: я написал книгу «Есть вещи поважнее футбола», и ко мне вернулось боление за «Динамо». Теперь уже – настоящее боление. В зрелом возрасте, 45 плюс. Первый мой выезд состоялся как раз в сорок пять лет. Это был выезд в Тулу, на матч с «Арсеналом». Невероятные эмоции, и ощущение себя в каком-то новом качестве.

Не хотел бы заново описывать тот сезон – всё уже написано в книге. Скажу только, что я стал опять нормальным, полноценным болельщиком «Динамо». Пережитые эмоции, опять-таки, есть в той книге; сейчас не хотелось бы воспроизводить их в режиме краткого пересказа. Могу только сказать, что это был крайне драматичный год моей жизни. Даже немного страшно вспоминать его.

И это был год, когда я окончательно убедился, что от «Динамо» мне – никуда не деться. Оно всегда будет со мной, и я – с ним. Будут большие победы, или их не будет, – не так важно. Главное – что-то другое.

27 июля 2016 года. Чемпионат России, Первая лига. «Динамо» – «Балтика» 2:1

В мае 2016 года «Динамо» впервые в своей истории вылетело из Премьер-лиги. До этого в течение 80 лет оно оставалось единственной российской командой, которая с самого зарождения профессионального футбола в стране, с весны 1936 года, всегда играло в высшем дивизионе, ни разу не опускалась рангом ниже. И «Спартак» вылетал в Первую лигу, и ЦСКА вылетал, «Зенит» ошивался там долгие годы, «Локомотив» буквально не вылезал из неё в советское время, несчастное «Торпедо» до сих пор никак не может вернуться... И только «Динамо», единственное из «больших» клубов, всегда было наверху, в элите.

И вот, вылетели. Какие-то мутные дела в клубе, кто-то из игроков в интервью сказал, что не вылететь мы в том сезоне не могли, от игроков уже ничего не зависело... Может, и так. Кто знает.

Как ни странно, я с ностальгией вспоминаю сезон 2016–2017, который «Динамо» провело в Первой лиге. Оно легко заняло первое место и вернулось обратно в вышку. Я вспоминаю атмосферу на химкинской фанатской трибуне «D». Это было какое-то бесшабашное веселье. Все переглядывались и улыбались. Такое настроение: всё самое страшное – с нами *уже* произошло, ничего хуже быть уже не может. Будем просто любить наше несчастное «Динамо» и поддерживать его. В этом было что-то очень хорошее. Ходил почти на все домашние матчи того сезона.

Почему-то запомнился матч с «Балтикой». Всю игру атаквали, наседали, но всё никак не могли забить решающий гол. До конца оставалось минут десять (точно не помню), счёт 1:1, любая потеря очков воспринималась как катастрофа... И вот мы – забиваем. Не припомню такого лютого восторга на наших трибунах. Разве что полтора года назад, когда обыгрывали здесь же «Андерлехт» в Лиге Европы (как же недавно это было, страшно подумать). Все дико заорали, незнакомые люди обнимали друг друга, было такое ликование, словно мы обыграли не «Балтику» в Первой лиге, а мадридский «Реал» в Лиге чемпионов.

И в электричке по дороге в Москву было такое же ликующее настроение, все поздравляли друг друга, орали: «Лишь в одну команду мы верим», это было какое-то отчаянное счастье, странное счастье людей, которым больше нечего терять.

Никогда не забуду этот вечер.

...Быстро, за один сезон, вернулись в вышку. Начались обычные заботы и разочарования. Борьба за выживание, позорнейший вылет из Лиги Европы от тбилисского «Локомотива»...

29 мая 2022 года. Кубок России, финал. «Спартак» – «Динамо» 2:1

Потащился на эту игру с больной спиной. Приехал на такси, подъехать близко – невозможно, вышел примерно за километр от метро, и страшно подумать, за сколько километров от стадиона. «Лужники» – чудовищно неудобный стадион, не то что наше прекрасное «Динамо». Ни подъедешь, ни подойдешь. Идти – долгие километры по садово-парковым просторам. Кое-как доковылял ближе к перерыву. В перерыве оказался на динамовском секторе. Стадион выглядел эпично. Три четверти – красные, одна четверть – синяя. Это было, правда, красиво.

...Когда Даня Фомин бил пенальти, многие динамовцы отвернулись. Я не отвернулся, смотрел прямо. Не забил. Красно-белое ликование. Долгое, мучительное хождение до метро, вернее, до места, откуда можно вызвать такси.

Одно из страшных разочарований. Но на том месте в душе, где находится рана от таких разочарований, давно уже вырос грубый рубец. Ничего, ничего, как-нибудь.

25 мая 2024 года. Чемпионат России. «Краснодар» – «Динамо» 1:0

...И вдруг в мае 2024-го возник невероятный шанс на чемпионство. Мы играли ужасно, но наши конкуренты играли ещё ужаснее. К последнему туру мы подошли в качестве лидеров. Нужно было в гостях с «Краснодаром» сыграть всего лишь вничью. И мы – чемпионы. Впервые за 48 лет.

Поехал на эту игру. Ночной самолёт до Сочи. Странная маршрутка до Краснодара, которую я заказал заранее, переднее сиденье с левой стороны, водитель дико лихачит, мчит по серпантину, страшно. Доехали. Сто граммов виски в гостинице. На такси до стадиона. Огромная очередь динамовцев на гостевой сектор. Кричалки, оживление. На стадионе полно наших – кажется, тысячи три. Зашёл на трибуну, всё забито, встал где-то, где было свободное место. Мало что видно, да и ладно. Гол «Краснодара», не засчитанный. Перерыв. Играем, счёт 0:0. Какой-то пьяноватый динамовец говорит другому пьяноватому динамовцу: нам полчаса до чемпионства. «Краснодар» забивает. Попытки что-то сделать, как-то сравнять. Два наших удара в штангу. Добавленное время. Объявляют, что «Зенит» в матче с «Ростовом» забил, счёт у них 2:1, так что «Краснодар», побеждая «Динамо», занимает второе место. Финальный свисток. «Краснодар» побеждает «Динамо» – и ничего не получает. Второе место – это в данной ситуации *ничто*. Чемпионом снова, уже в шестой раз подряд, становится «Зенит». «Динамо» занимает третье место.

...Долго сидел на трибуне. Было какое-то странное, пустое ощущение. Ехал в Краснодар – не за чемпионством. Не особо верил в него. Ехал просто чтобы *быть с командой* в очень важном матче. Который она, скорее всего, проиграла.

Ну вот, за чем ехал, то и получил.

Всё нормально. Я выполнил свой долг.

Вышел потом с трибуны. Там были толпы болельщиков «Динамо». Все улыбались, смеялись, обнимались. Нашёл знакомых, мы тоже обнялись. Следующий сезон – точно наш!

Шёл к выходу со стадиона, навстречу – краснодарский болельщик в зелёно-чёрном шарфе. А я, соответственно, в бело-синем. Он молча протягивает мне руку, мы молча обмениваемся рукопожатием.

Через год он будет счастлив. А я, а мы, – нет.

Потом была спокойная ночь в гостинице. На следующий день – поездка на «Ласточке» в Сочи, долгое сидение в аэропорту, полёт домой, в Москву.

Это было много часов для думания. И я, кажется, понял важную для себя вещь.

Всегда думал, что важны победы, титулы. Очень хотел побед «Динамо». Чтобы «Динамо» стало чемпионом.

А сейчас, в этой краснодарской гостинице, в этой «Ласточке» до Сочи, сидя в аэропорту, – понял другое.

Не так важны титулы. Важны, конечно, но не очень. Будут – хорошо. Не будут – ну и ладно.

Главное – *быть с командой*. Я ехал в Краснодар – не за победой. Я каким-то скрытым чувством понимал, что мы проиграем. И я понимал, что я должен быть со своей командой. Да, она проиграет, и я должен проиграть – вместе с ней.

Как иногда бывает важно просто побыть с человеком. Не сделать что-то для него (сделать ничего нельзя), а просто побыть с ним. Посидеть, побыть рядом. Это бывает важнее, чем что-то ещё.

Вот это – важно. А всё остальное – неважно.

Чуть выше я упоминал великий бостонский бейсбольный клуб «Red Sox», который 86 лет не мог стать чемпионом MLB. Я читал, что старые деды писали письма в клуб: ну давайте, выиграть наконец уже, и я тогда смогу спокойно умереть.

Я раньше тоже так думал. Надо обязательно дожить до динамовского чемпионства. Ну давайте, станьте чемпионами России, ну пожалуйста, ну дайте насладиться этим триумфом.

А в последние годы это как-то ушло. Станут чемпионами – хорошо. Я буду счастлив. Не станут – ну, штош (как сейчас любят писать и говорить). Дело не в этом, не в чемпионстве, – а в верности. Просто продолжать болеть за эту команду. Когда я писал книгу «Есть вещи поважнее футбола», я в какую-то минуту отчаяния назвал нашу команду «дурачками». Ну, они действительно очень часто именно так себя ведут. Я их с тех пор так и называю. Надеюсь, никто на меня за это не обидится. Это – любя.

Если наши дурачки станут вдруг чемпионами – я буду счастлив. А если нет – буду всё равно за них болеть. Буду хранить эту бессмысленную верность. Всё просто.

Некоторое время назад придумал сюжет рассказа. Главный герой – болельщик «Динамо», который никогда не видел чемпионства. Вот он болеет, болеет за «Динамо», чемпионства всё нет... И он заболевает какой-то тяжёлой болезнью. И как раз в этот период «Динамо» основательно укрепляется сильными игроками, приглашает знаменитого тренера, и им начитает, что называется, переть. Победы следуют одна за другой, «Динамо» уходит в отрыв, мчится к чемпионству. А наш главный герой продолжает болеть – во всех смыслах этого слова, – он следит за своим любимым «Динамо», которое уже оторвалось от преследователей на дикое количество очков, ещё несколько туров – и «Динамо», наконец, станет чемпионом, после всей этой мучительной, долгой засухи...

И главный герой умирает, так и не дожив до чемпионства.

...Хорошо, что не стал писать.

Григорий Служитель. Смирение

Мить, а вон тот – наш? – Катюш, я же уже объяснил: в белом – наши, в синем – не наши. – А почему мы в белом? Синий ведь наш цвет? – У нас два цвета. То есть... да, синий всё-таки главный. Но иногда мы играем не в первом комплекте. И потом, у наших команд почти одни и те же цвета. Только оттенки отличаются.

– А почему они тоже «Динамо» называются?

– Потому что спортивное общество «Динамо» существует в каждом городе. Иногда мы встречаемся со своими одноклубниками...

Катя достала телефон, сначала сфотографировала дремавшего через три свободных сиденья мужичка в старинном «петушке», потом развернулась к футбольному полю так, чтобы в кадре были видны её розовый шарф с буквой «Д» и табло с нулевым счётом, обиженно выпятила губы, положила подбородок на тыльную сторону ладони и сделала селфи.

– Не, я не поняла, почему тогда мы со своими одноклубниками играем?

– Кать, это просто так говорят, потому что команды одинаково называются, но мы не в одном клубе играем.

– Это как – не в одном? Ты же сам сказал, что они одноклубники. Ну, назвали бы себя по-другому...

– Кто? Мы? Мы первое «Динамо» в стране и в мире. Мы по-другому не можем называться.

– Ну, они тогда. Чего команды одинаково называть-то, фантазии нет?

– Катюш, это же вроде бренда. «Динамо» есть в каждом городе России, и в Махачкале, конечно, тоже. И в Европе, и в мире: в Дрездене, в Киеве, в Загребе, в Бухаресте, даже в Хьюстоне... Но мы как бы главные.

– Как бы...

– Не как бы, а главные. Следи за игрой.

Катя обвела скучающим взглядом чашу стадиона.

Для относительно тёплого воскресного вечера в середине ноября народу было немного.

Только за воротами москвичей почти не было свободных мест – сектор активных фанатов выделялся сплошным синим пятном. Заводящий, поставив ногу на ограду и отвернувшись спиной к полю, разгонял в мегафон очередной заряд. Рядом, с какой-то мрачной инквизиторской торжественностью, высоко поднимая локти, отбивал ритм барабанщик. *«Лишь в одну команду вы верим. За неё всегда мы боеем. Никогда в беде не оставим. Только Яшин, только «Динамо»».*

Весь остальной стадион был заполнен от силы на треть.

За противоположными воротами толпились махачкалинские болельщики, количеством всего человек тридцать, но на голове каждого белела пышная папаха.

– Да ну ёп твою мать, ну Данечка, ну солнышко. Почему на Бителло?! Костик открыт, Бабай открыт, почемууууууу?.. – на последнем слоге Митя замычал уже совершенно по-коровьи, так что, казалось, потяни его за невидимое кольцо в носу – и он безропотно последует.

Катю очень рассмешило, что Митя говорит, по сути, о незнакомых ему мужиках, как о туповатых подчинённых, которые опять перед ним в чём-то провинились.

Но ещё больше её рассмешило, с какой серьёзностью он относится к происходящему. Такое выражение лица у него бывало, только когда его кто-то подрезал в автомобильном потоке.

– Ой, Мить, ты такой смешной.

– Да ничего смешного. Опять офсайд.

– А это что?

– Положение вне игры. Потом объясню как-нибудь.

– Нет, давай сейчас.

– Уфф. Ну поехали. В общем, представь, наши атакуют.

– С трудом.

– Очень смешно. Ну вот, наши атакуют, и один из наших делает пас вперёд, но второй наш, то есть тот, кому адресован пас, находится ближе к их вратарю, чем их защитник.

Митя сделал рукой жест в сторону поля, как будто хотел смахнуть картинку и продемонстрировать Кате наглядный пример офсайда.

Катя почему-то вспомнила военные карты из учебников истории, на которых были изображены манёвры враждующих армий в виде стрелок с густым цветом на острие и более рассеянным в расходящемся хвосте. Потом на ум пришли пленные немцы в бабьих платках и со странными корзинами на ногах вместо обуви. Кинохроника с чёрно-белым салютом в честь победы. И дальше по ассоциации – отряды бодрых девушек-физкультурниц на Красной площади с буквой «Д» на груди. Катя сделала добрые глаза, как у санитаря, который никак не возражает на бред пациента.

– Митяй, ты сам-то понял, что сказал?

– Я-то понял. Теперь ты постарайся понять.

– Как такое понять можно?

– Это положение вне игры, или офсайд.

– Или? А как понять, когда офсайд, а когда положение вне игры?

– Это одно и то же, два разных названия: по-русски и по-английски. Ты издеваешься?

– Ты чё, заяц?

– Прости, Катюш. Ещё раз: наш не должен, то есть наш должен... короче, пас вперёд нужно сделать так, чтобы тот, кому предназначен пас, не находился между их вратарём и защитником.

– Ничего не поняла. А зачем ему пас давать, заяц? Пусть сам идёт до конца.

– Да блин...

Митя подумал о том, как совсем недавно с друзьями обсуждал девушек, которые моментально глупеют, когда речь заходит о спорте. Но потом он вспомнил, как много лет назад отец, сидя за кухонным столом, объяснял ему самому, семилетнему мальчику, суть офсайда примерно теми же словами. И Митя точно так же ничего не понимал: только слёзы капали в суп и разбухали мучные буквы, среди которых почему-то не было ни одной гласной. И отец злился, и даже матюгнулся пару раз. Да и вообще, есть ли человек, который с первого раза может понять смысл офсайда?

– Катюш, это такое правило, ну, чтобы игра была интересней.

– А если бы его не было?

– Тогда нападающие просто стояли бы у ворот противника всю игру и ждали паса. Не было бы динамики в игре.

– Ой, ой!!! Это же этот... как его... этот... Бонд с кнопкой!

На огромном экране возникло лицо молодого человека: он застенчиво улыбнулся и помахал в камеру. Под изображением появилась надпись «Наши звёздные болельщики: музыкант Сергей Сироткин».

– А, точно... Не Бонд с кнопкой, это же Сироткин. Его Юля очень любит. Они с Петей ходили даже на концерт летом. А на следующий день расстались, – добавила она.

Игра шла скучно и вязко. В таких матчах кажется, что стадион зарос нескошенным бурьяном, а сами футболисты обратились в высокие остовы отцветших борщевиков.

– Заяц, а сколько до перерыва?

– Десять минут, плюс добавленное время. В общем, минут тринадцать.

– И вот вы правда такое любите?

– Любим. Просто сегодня игра так себе.

– А можно я уже пойду? Хочу по-бырому хот-дог взять, а то очередь набежит, а?

Митя наблюдал, как мяч бессмысленными и безадресными дугами планировал по полю. Посмотрел на спящего мужичка в петушке. Зачем ходить на стадион спать?

Результат встречи не имел особого значения ни для москвичей, ни для махачкалинцев, но почему-то именно сегодня, впервые за четыре месяца, что Митя встречался с Катей, он решил привести её на стадион родного клуба. В каком-то смысле это было заменой знакомства с его родителями, которые давно ушли. Впрочем, было не ясно, в чём именно заключалось знакомство. Очевидно, что если бы «Динамо» и могло произвести впечатление на Катю, к футболу совершенно равнодушную, то, например, эффектной победой.

Но победой и не пахло. До перерыва команды кое-как попинали мяч – и скрылись в подтрибунном помещении.

Митя купил Кате и себе по хот-догу и, выписывая кетчупом змейку на сосиске, думал о том, на что вообще команда могла рассчитывать до ухода на зимний перерыв? А после перерыва? За долгие годы боления Митя научился настраивать свою внутреннюю футбольную антенну так, чтобы уже после первых туров знать наверняка, что светит «Динамо» в конце сезона. И Митя знал, что в этом сезоне (так же, как и во все сезоны за последние пятьдесят

лет) «Динамо» не светит ничего. Плюгавый, немощный божок российского футбола, скрипя морщинами, снова улыбнётся не «Динамо», а, скорее всего, обаятельному выскочке «Краснодару». Всё лучше, чем «Зенит».

Второй тайм москвичи начали резво. Сразу после стартового свистка в три передачи проре зали оборону соперника, и Костя Тюкавин обводящим ударом чуть было не отправил мяч в сетку: промахнулся на считанные сантиметры. Он застыл в позе девушки, натягивающей колготки, и, закрыв лицо руками, медленно повалился спиной на газон.

Стадион ухнул матом.

– Боже, заяц, ну почему мы не могли ещё куда-нибудь пойти? Тоска зелёная. Как вообще это нравиться может?

– Катюш, тут же ведь дело не только в результате...

Митя вспомнил, как впервые увидел Катю в баре на Покровке. Точнее, увидел он сначала её подругу Юлю, а потом только Катю. Вспомнил, как они напивались, как через часа три он уже смирился с тем, что Юле нравится больше его друг Петя. Вспомнил, как подумал, что Катя вроде бы тоже ничего. Но – не Юля. Но тоже ничего.

А под утро он кое-как добрался до своего подъезда – и не нашёл ключей от квартиры, а код забыл. И ему написала Катя, что ключи она нашла на полу такси, которое их по очереди развезило по домам. И он поехал за ключами к ней. И так далее.

Митя снова вспомнил детство, как впервые смотрел «Д'Артаньяна и трёх мушкетёров». Ему тогда казалось, что цвет мушкетёрских костюмов был как бы предопределён. Очевидно: синий с белой окантовкой – знак того, что остроумные и благородные мушкетёры болеют за «Динамо». И уж, конечно, одетые в красное гвардейцы кардинала, недотёпы и интриганы, болеют за «Спартак». И, разумеется, маленькому Мите не надо было объяснять, что эфесы шпаг, которых касаются Д'Артаньян и друзья во время клятвы, повторяют изгибы фирменной динамовской буквы «Д». Уже подростком Митя стал слушать «Dereche Mode», только потому что ему была очевидна эзотерическая связь заглавных букв ДМ с аббревиатурой «Динамо» Москва.

Вообще слух динамовца, как думал Митя, особенно чуток ко всякого рода таинственным совпадениям и рифмам. Старший брат папы Яша назвал своего сына Лёвой только для того, чтобы при случае на вопрос «Чей Лев?» гордо ответить «Лев Яшин».

Но, в целом, любовь Мити к «Динамо» была всё-таки – наследственной, тотемной, непроизвольной. Он не выбирал, за кого болеть, и поэтому, в отличие от глори-хантеров или прочих футбольных неофитов, был избавлен от участи приучать себя к обычаям и традициям чужого, но успешного клуба.

Каждый преданный поклонник порой испытывает соблазн наградить свою клубную фракцию каким-нибудь особым, только ей свойственным качеством: интеллигентностью, верностью, бесшабашностью. Так что объединяет Динамовцев? Недоверие к успеху? Рациональный пессимизм? Трезвый стоический взгляд на уровне горизонта? Смирение?

Митя посмотрел на Катю, которая записывала кружочек Юле – сообщала, что тут на стадионе Сироткина показывают; на её розовый шарф, на новые угги, – и подумал: да, смирение. Динамовцев объединяет смирение.

От отца, который умер молодым, дома осталось множество предметов с символикой «Динамо»: вымпелы, увешанные значками с литерой «Д», фотографии футбольных и хоккейных легенд, автографы тренеров на программках, пожелтевшие билеты на матчи, выпуски спортивных газет с обведённым победным счётом...

И – самое главное – клочок бумаги, на котором одиннадцатилетний отец написал округлым детским почерком: «*Московские динамовцы чемпионы СССР по футболу 1963 г.*». Для чего написал? То есть – для кого? Для себя настоящего – или для себя будущего? Или для Льва Яшина, если доведётся встретиться? (Довелось.) Или для Мити, который родится только через тридцать лет? Ни для кого. И – для всех. И для себя, и для него, и для Яшина, и для Д'Артаньяна, и для Кости Тюкавина, и для всей Махачкалы, и для мужика в петушке, и для того динамовца, который поднимет кубок Лиги чемпионов в каком-нибудь 2045 году. Митя почувствовал, что в горле что-то сжалось и стало подступать к носу, защипало в глазах.

– Так, Катюш, в общем, такое предложение: если наши выигрывают – летим на две недели в Дубай.

Катя душетом, дважды, посмотрела на Митю, приоткрыла рот от удивления – и вдруг, раздув ноздри и сделав дикие глаза, заревела на весь стадион:

– Бежим, спортсмены! Боремся за мяч, мужики! Вперёд, вперёд, Динамовцы Москвы!

До конца основного времени оставалось десять минут. Семь минут. За пять минут до финального свистка на стадионе раздался традиционный удар в гонг.

Катя неистово крутила в руке свой фанатский шарф на манер банщика, разгоняющего в парилке горячий воздух. Голос у неё совсем огрубел – и стал напоминать животный рык вокалиста какой-нибудь death-metal группы.

И Мите стало казаться, что Катина ворожба словно материализовалась в невидимую пыльцу, которая рассеялась над московскими Динамовцами, и те, волшебным образом преобразившись, заиграли с тройной отдачей. Комбинации, точные передачи, забегания: всё вместе это создавало инерцию успеха, сгущало предчувствие гола.

И гол, совсем как редкий капризный фрукт, требующий хлопотливого и тщательного ухода, наконец вызрел. На четвёртой минуте добавленного времени хозяева нахлынули на противника последней атакующей волной. Фомин перевёл на Скопинцева, тот развернулся и мягко закинул по диагонали вперёд на Тюкавина, который ложным замахом нейтрализовал сразу двух защитников гостей, сыграл в молниеносную стенку с Сергеевым – и низким бильярдным выстрелом отправил мяч в правый угол ворот.

Мите стало страшно. Не из-за внезапных трат, на которые он сам себя обрёл, не из-за того, что после совместной поездки отношения с Катей могут обрести необозримую перспективу (как, впрочем, и совсем её лишиться). Нет. Страшно стало из-за зловещей, чуть ли не мистической силы, которую в Кате он совершенно не подозревал. Как и любой шаткий атеист, Митя был суеверен, и пуглив, когда дело касалось необъяснимых совпадений и озорства судьбы.

Трибуны бесновались, проспавший всю игру мужичок встал и горделиво замер, растянув над головой в «петушке» синий шарф. Катя сперва завизжала, затем стала обмахиваться, словно обожглась чем-то, и даже прослезилась.

Но особенно Митю поразило, как Катя, словно пройдя за двадцать минут экстерном полный курс футбольного фаната, горланила без запинки все динамовские кричалки. И, наверное, тут было что-то кроме радостного предвкушения Дубая.

Катя ещё продолжала визжать, когда Митя заметил какое-то недовольное движение среди московских футболистов. Рядом с судьёй суетились, пытаясь ему что-то втолковать, несколько игроков. Оба динамовских тренера отчаянно ругались друг с другом в границах своих зон, за что получили по жёлтой карточке.

– Ой, Мить. А чего это они?

– Будут проверять гол на VAR'е.
– На какой ещё Варе? Это кто такая?
– По ходу, офсайд.
– Какой, нах, офсайд? Они чё там все? Я своими глазами мяч в воротах видела!!! Чё они придумывают?!

Шли к парковке молча. Молча ехали домой. Так же молча вошли в квартиру. Молча легли в постель. Оба, отвернувшись друг от друга, листали ленту соцсетей.

Митя слышал, как Катя пересматривает игровые моменты встречи в аккаунте «Динамо».

Потом он получил сообщение:

«Не думай только, пожалуйста, что мне этот Дубай так важен».

«Я и не думаю».

«С кем следующая игра?»

«С Zenитом».

«У нас?»

«У них».

После трёхминутной паузы пришёл ответ:

«Покупай билеты».

Сергей Шаргунов. Боль неболения

Боря обожал Машу, а она обожала отца. Она жила у него, хотя ей и было уже за тридцать. Несколько лет назад умерла её мать, и это ещё больше привязало Машу к отцу. «Мне важно, чтобы ты нравился папе», – прямо и резко, как умела, говорила она. Её отец, Пётр Андреич, любил рыбалку и футбол. Боря – не любил, вернее, ничего в этом не понимал.

Боря готовился сделать ей предложение осенью. Тем летом они поехали на Дон. Для Петра Андреича там было что-то вроде духовной родины – дикие места, завещанные дедом и отцом...

– Люди делятся на тех, кого Дон принимает и кого нет, – с загадочной категоричностью говорил Пётр Андреич. – Наши люди – люди Дона.

Боря пугала внезапная жёсткость этого мягкого человека, внезапный холодный блеск его глаз, то, как начинали бледнеть и перекатываться желваки на его розовом лице.

Боря кивал, и надеялся, что всё-таки окажется человеком Дона.

До этого с Петром Андреичем они виделись только в застольях. Едва Боря стал встречаться с Машей, тот сразу открыл ему свою просторную квартиру в старинном доме, где угощал и наливал.

Пётр Андреич держался просто, зевал, кряхтел, почёсывался, но во всём ощущалась порода – в его предках были помещики и даже бояре. Жениться снова он пока не спешил, Маша говорила: когда у него появится избранница, он привезёт её на Дон.

У него имелась причудливая островная лысина, при этом узкий гребень рыжеватых волос курчавился над лбом, как будто он отращивает их заново. Он носил короткошёрстную полуседую бороду. Обычно он легкомысленно улыбался. Он постоянно улыбался, аномально часто для русского человека, так, что иногда казался блаженным. Внутри его головы словно бы горела лампочка, и его голубые глаза всё время сияли.

Пётр Андреич был ректором киношного вуза, а Боря, хоть и физик, работавший в лаборатории, где выращивали алмазы, смотрел много кино – и всё хотел обсудить с ним что-нибудь из увиденного, но пока не выходило.

От аэропорта Волгограда они доехали до хутора – кирпичного дома в степи, построенного Петром Андреичем. Хотелось там задержаться, но тот поторапливал: надо успеть к вечеру

нему клёву. Набились в «Ниву» с лодкой в прицепе, и затряслись по пыльным ухабам. Вёл машину круглоголовый киргиз, заправлявший на хуторе.

Остановились на берегу, машина заехала прицепом в реку, Пётр Андреич вывел лодку в воду.

Они помчали среди брызг и ветра, между холмистых берегов, мимо песчаных отмелей. Вода отражала знойное небо, но там, где расступалась с пеной, в разрезе была коричневатая. У руля в панамке и тёмных очках возвышался Пётр Андреич.

Боря сидел на скамье рядом с Машей. Она смотрела вперёд, и её красивое породистое лицо было напряжённым и чутким, как у какого-то водоплавающего зверя. Он взял её за руку, она откликнулась пожатием, и стала поглаживать его кончиками пальцев.

У неё был трудный нрав, и это заводило. Она рисовала, и ему нравились её вкус в живописи и уверенность в суждениях. «Не забывай, я очень умная», – говорила она, и в том, наверное, была правда. Но была у неё и простота, и бытовая хватка, и что-то такое тёплое, глуповатое, в чём угадывалась будущая хорошая мать. «Если бы не Дон, я была бы другим человеком», – объясняла она. С рождения каждое лето отец брал её сюда. «Я – дочь рыбака», – говорила Маша о себе.

Но главное, она возбуждала его как самка. Первобытно волновала... Боря посматривал на лоб и подбородок Маши, розоватые пальцы и локти, крепкие груди под майкой, – и думал, почему же к ней так влечёт.

Маша с гортанным смехом, показав ровные зубы, отозвалась на какую-то реплику сестры. Варя разместилась в казанке позади них, тоже голубоглазая блондинка, только шире, с ещё более низким голосом и смехом. Рядом жадно курил её всклокоченный опухший муж Миша.

Лодка ткнулась в берег, все повывезали. Пётр Андреич подтащил её со скрежетом и привязал к кольшку. Вещи передавали по цепочке, складывали у подножия склона, а затем тащили наверх. Тропка была извилистой и крутой. Боря, пытаясь доказать свою полезность, таскал больше всех – пакеты с бутылками, упаковку с банками пива, баклажки воды, канистры бензина, – хватаясь то за ветку куста, то за клок травы. Дотащив, бегом устремлялся вниз, так что из-под ног обрывался песок.

– Не осыпай! – крикнула Маша сверху.

Он молча прыгнул к воде. Его дожидался огромный тёмный арбуз со здешней бахчи, погружённый наполовину в воду, но так и не остудившийся. Обхватив двумя руками и вжимая в себя, Боря стал медленно подниматься с этой последней ношей, ничего не видя, и уже жалея, что раскурочил тропу. На вершине, у самого края, на последнем издыхании закатил арбуз, давя суетливых муравчиков, сел, свесив ноги, и стал смотреть на реку, по которой с тонким треском отдалялась казанка Петра Андреича – вечерняя поклёвка...

К Боре наклонился брат Петра Андреича, старик Иван, и приветливо замычал, обдавая спиртовым дыханием. Он приплыл сюда первым и жил здесь уже несколько дней, один. Боря встал, пытаясь разобрать напевную речь. Иван Андреич обнял его, хлопая по спине, слегка окарябав ногтями, качнулся, и стал спускаться с неожиданной проворностью, и вскоре погрёб на резиновой лодке, из которой в разные стороны торчали удочки.

...Пётр Андреич вернулся, когда вода розовела. Снизу донёсся его звонкий клич:

– Приветосики! Маш, почистить надо!

Маша выдала возлюбленному тазик и нож и подтолкнула в спину:

– Сбегай! Тебе полезно!

Он сошёл к лодке, к которой был привязан садок, опущенный в воду, и там, неглубоко, в серебристой темнице резво плескались рыбы.

– Ещё бы золы... – сказал Пётр Андреич в весёлом сомнении.

Боря поднялся обратно, чтобы спуститься с ржавой консервной банкой, которой зачерпнул на месте кострища.

В руке у Петра Андреича извивалась пятнистая рыбина. На корме лежала доска, где он распластал и придавил склизкое тело, обхватив пятернёй голову.

– Сыпь! – азарт сделал слова резкими. – Да не сюда! На него!

Боря присыпал рыбу серой, как соль и перец, золой, и рыбак принялся её втирать.

Рыба вздымала хвост, задирала его высоко и сильно... Боря, почувствовав её боль, хотел схватить мучителя за руку, но вместо этого отвёл взгляд и уставился в текучую воду.

Звенели и впивались комары, возбуждённые закатом.

Когда он снова посмотрел на происходящее, Пётр Андреич ножом соскабливал золу вместе со слизью. Он перевернул рыбину, очистил белёсое брюхо, вонзил нож между плавниками и одним непрерывным движением провёл вдоль брюха к голове.

Рыбина, продолжая вскидывать хвост, разевала розовую младенческую пасть. Пётр Андреич запустил пальцы в распоротое кровоточащее брюхо, бережно и умело вынимая внутренности, среди них – что-то светло-влажное, и гордо объявил:

– Печень налима, – так, точно это его собственная.

Он вырвал жабры, смахнул их с другими ошметками в реку и стал промывать тушку, совершая плавательные движения туда-сюда.

– Хочешь попробовать?

Боря беспокойно взглянул на блестящую печень – но нет, ему предлагалось достать следующую рыбу из воды.

Он окунул руку в садок, пошарил среди тесной мерзости тел, схватил за хвост, который немедленно ускользнул, погнался за ним, сунул вторую руку и выхватил рыбину. Он держал её, рвавшуюся с такой упругой силой, как будто она пыталась отделаться от хвоста. Пётр Андреич крикнул, что так не держат, – а рыба уже запрыгала по корме, и слетела на песок, и, повернув не туда, от воды, запетляла по колючей травке.

Пётр Андреич поймал рыбу и шмякнул её на плаху, дёрнул за зеленоватый колючий плавник, похожий на панковский ирокез:

– У, судачок... Ты куда бежать вздумал? Бери! – кивнул на нож.

Боря взял с неохотой.

А может, и правда так лучше? Остановить страдания... Он прицелился в подсказанное место и ударил меж чёрных глаз. Нож прошёл под серебристые пластины – рыба кровь залила выпуклые глаза, и судак вместо того, чтобы умирать, бешено заюлил, оскаливая клыки.

– Надо сильнее! – Пётр Андреич забрал нож и завершил положенное метким ударом.

Хвост ещё подымался, но с каждой конвульсией всё слабее.

– А можно я почищу? – спросил Боря заискивающе.

Он попытался скрести ближе к хвосту и против чешуи под заботливые команды. Не получилось, он возвращался к невыдернутым чешуйкам, уколол о плавник руку...

– Для первого раза очень неплохо, – Пётр Андреич ободряюще улыбнулся, посмотрел на небо, перевёл взгляд на воду, туда, где продолжались бурление и плеск, и дальше шкерил уже сам.

Некоторых рыб он оставил в тюрьме до завтра, другие, присыпанные крупной солью, легли в тазик, затем опущенный в земляную ямку, и, наконец, нарезанные кусками судаки отправились на сковороду. Она была водружена на решётку над костром из сухих веток, источавшим душистый дым.

Все говорили, как нежна рыба, ели и нахваливали. Боря не отставал, хотя ему не нравилось, когда говорят за едой о еде. Пётр Андреич обещал зажарить печень налима, ещё более нежную, и останавливал брата, порывавшегося уйти спать, суля ему это лакомство.

«Дай я тебя поцелую», – нудел Иван Андреич и тянулся к Петру Андреичу и ко всем вытянутыми в трубочку губами. Боря чувствовал себя чужим и пытался расслабиться.

Здесь, за этим дощатым столом, он впервые услышал от Петра Андреича о традиции его семьи: пить нечётное число раз. Одной стопки мало, надо выпить ещё одну, но этого недостаточно, надо ещё, чтобы получилось три, но три тоже маловато, значит, придётся пять... Так они и пили.

Осмелев от выпитого, Боря спросил Петра Андреича, знает ли он такого-то режиссёра. – Саша? – заулыбался тот. – Конечно! Даже в баньке с ним парились.

Боря не только смотрел кино, но и много читал, а этот режиссёр экранизировал книги современных писателей; недавно, например, снял фильм по роману о стрельбе в Москве 1993 года. Боря сказал, что книга и фильм очень разные, и спросил, что думает Пётр Андреич.

– Имеет право на существование! – отчеканил тот жизнерадостно.

Боря подхихикнул, расстроенный, что разговор не клеится.

– А что вы думаете про те события?

Пётр Андреич как будто не расслышал.

– Я как раз родился в девяносто третьем, – начал Боря новый заход. – А вы, наверное, хорошо всё помните.

– Ой, так давно это всё было, – улыбка обезоруживала. – И, честно говоря, стараюсь держаться подальше от всякого... такого... – не найдя слово, он махнул рукой.

– По-моему, у нас всё время случается какая-то кровавая клоунада, – блеснул определением Боря, но никто не оценил, только лохматый хмельной Миша, грацируя, воскликнул:

– Россия – страна прикольная! А я тут прочитал «Глазами клоуна»!

С ним хотя бы можно было поговорить о некоторых книгах; они зацепились языками, и вскоре выяснили, что не помнят, кто автор. Боре казалось – Набоков, а Миша с набрякшим лицом, чья багровость была заметна даже в полутьме, начал втолковывать, что «Глазами клоуна» написал Гюнтер Грасс. Этот парень был жуткий спорщик и, споря, начинал орать. Боря предложил проверить в поисковике, но интернет тут не ловился. Тогда он пожал Мише руку и попросил Машу разбить. Она легонько стукнула по их рукопожатию ребром ладони:

– Не вещай!

– У нас правило: за столом никогда не спорить, – сказал Пётр Андреич дружелюбно, нарезая арбуз ровными ломтями.

При очередном целовальном порыве Иван Андреич сумел подняться и с оханьем, треща зарослями, убрёл к себе, в палатку под названием «Лесные дали».

Боря и сам ушёл бы, но лишь часа через три он, к тому времени хорошо набравшийся, дождался, когда Маша соблаговолит спать. Пока они добирались до своей палатки, он чуть не свалился с высокого берега в реку. Маша расстегнула палатку, они сняли куртки и штаны, залезли и улеглись на надувном матрасе.

Боря погладил девушку по ноге, потрепал круглое колено, скользнул выше...

– Не надо, – попросила она. – Я не буду здесь.

– Почему?

– Это земля предков.

– Что? – Боря опешил.

Прозвучало как нежелание делить с ним могилу. Он и обиделся, и почувствовал, что хочет её ещё сильнее. Они молчали, лёжа неподвижно; слышен был комариный писк. Маша включила фонарик в телефоне, Боря зажмурился. Через несколько минут раздался хлопок, потом ещё один, и, открыв глаза, он увидел, что желтоватый нейлон испачкан кровью – комар уже успел укусить кого-то из них.

Ночью он проснулся от беспокойного шороха – и испугался. Когда он растолкал Машу, она квёлым голосом пожелала ему спать дальше. Шорох не прекращался, что-то живое скрипело и опадало снаружи в разных местах. Маша зевнула и нехотя объяснила: мыши залезают на самую верхушку палатки – и катаются оттуда...

Следующее пробуждение случилось на заре – из-за ярких лучей. Во рту было сухо, болела голова; он сделал глоток воды из бутылочки на двоих, попытался ещё поспать, но вскоре палатка накалилась и стало душно. Маша вжикнула молнией, запуская речное веянье, – но теперь залетали осы и мухи.

Он выбрался и пошёл неровной тропой, посматривая на реку за зеленью, а когда глянул под ноги – оцепенел: тропу пересекала чёрная змея.

– Там... – начал он, подойдя к столу, но оборвал себя, и решил не говорить.

Маша, светлый пух в белоснежной подмышке, резко протянула ему тёплую баночку пива, которого на этой реке водилось больше, чем питьевой воды. Её сестра с мужем о чём-то бранились в кустах. Братья Андреичи, как оказалось, на рассвете уплыли на рыбалку.

Вернувшись, они привезли маленьких бедненьких щучек, из которых получились особо нежные котлеты. Вчерашний улов пошёл на уху.

– Под уху нельзя не выпить, – сказал Пётр Андреич привычной скороговоркой. – Иначе подумают, что собаки едят.

После еды и трёх рюмок начали играть в винт, винтиться, как радостно говорил Пётр Андреич, которому эта замысловатая карточная игра досталась от предков. Боря в ней ни черта не понимал, но его удивил Миша, сам предложивший играть и восклицавший громче всех, как будто постижение винта стало важной частью его слияния с этой семьёй. Боре хотелось пойти полежать в палатку, но тут Пётр Андреич предложил ещё по рюмашке, да так задорно, что отказать показалось кощунством, и всё же Боря тоскливо взглянул на Машу с её бокалом вина, но она ласково кивнула: соглашайся... Чтобы не обидеть, пришлось сидеть на жаре под деревьями, ронявшими слабую тень, ждать, когда будет разлито по новой, и, изображая интерес, пялиться на чужую, всё менее понятную игру. Несколько раз Боря прищёлкнул языком и даже издавал вежливый смешок, чтоб не молчать как дурак, когда все взрывались смехом.

– Ну что, начинаешь понимать? – улыбнулся будущий тесть.

Всё-таки улыбка у него была – классная.

Солнце стало мягче, и на моторке отправились на отмель, где искупались, испачкавшись в иле, и принялись босиком играть в футбол. Боря, у которого гудела голова, вызвался встать в воротах – их обозначали кривые ветки – в одной команде с Петром Андреичем, гонявшим мяч ловко и лихо, так, словно ему плевать на выпитое и жару. Варя крупно белела полуголым телом между других веток, а Маша с Мишей нападали... Иван Андреич был судьёй – сидел в мутной водице, и тихо охал, когда его покусывали рыбёшки. Маша рвалась к воротам, с хохотом боролась с отцом... Боря отбил мяч, улетевший в кусты, откуда немедленно вспорхнули чайки. Они закружили и закричали. Подбежав, он увидел смуглые пятнистые яйца, некоторые были расколоты; рядом пищали серенькие птенцы. Кажется, разбил их всё-таки не мяч, который Боря погнал обратно – и на бегу послал в сторону Петра Андреича...

Боря добежал до своих веток и встал, переводя дыхание, наблюдая бешеную борьбу со скрипом сырого песка под ногами. Мячом завладела Маша, косо вдарила, и он вдруг легко и вольно пролетел у вратаря между ног.

– Ты чё творишь? – Пётр Андреич повернулся к нему перекошенным лицом.

Дикий гомон чаек низко гремел в небе, как вопль болельщиков. Маша согнулась от смеха, держась за живот.

Вернулись на берег – и всё повторилось: водочное сидение у костра, жарка рыб, пойманных на красно-белый воблер по пути обратно, разговоры о том, как здесь коварен даже там, где мелко, любой водоворот.

– Я – счастливый человек! – звенел тост Петра Андреича. – У меня есть любимые люди и любимая река.

– Выпьем за любовь... – строчкой шлягера смутно подхватил Иван Андреич и перешёл на длинное мычание.

Теперь и Боря хотел замычать на мотив песенки. В ответе костра этот старик казался во всём элегантным – седая щётка усов, сверканье круглых очков с треснутым стёклышком, растёгнутая на все пуговицы мятая рубаха навывпуск. Он был похож на белого полковника, доживающего век на чужбине. И то, что он быстро напивался до бессвязности речи, тоже ему удивительно шло.

Боря встал из-за стола вместе со стариком, и когда тот, шатаясь, пошёл в «Лесные дали», пошёл тоже, к своей палатке.

– Спать уже? – раздался бодрый голосок Петра Андреича.

– Зай! Ты куда? – бросила Маша.

Но он был так пьяно чужд им, что не смог ответить.

Когда он улёгся, перед глазами побежали кругами мутные от песка волны, те, что видел за бортом лодки. И тут же с реки в палатку донёлся тревожный всплеск, к горлу прихлынула тошнота. Он успел вжикнуть застёжкой и немного переместиться по лесу – думая о змеях, но тошнота была сильнее страха, – его вывернуло, и выворачивало ещё несколько раз. Трезвея, он спустился к реке, прополоскал рот, с трудом поднялся обратно, лёг: звенели комары, которых напустил в палатку.

Назавтра после рыбалки Пётр Андреич сказал, что вечером у него футбол, он собирается на хутор смотреть телевизор.

– «Динамо»? – спросил Боря.

Пётр Андреич, не ответив, ибо и так понятно, стал рассказывать, что относится к игре суеверно. Если смотрит матч и болеет правильно, может повлиять на исход. Когда почему-либо пропускал – команда всегда проигрывала.

– А с кем играют?

– С ЦСКА.

– Боря за них! – засмеялась Маша.

Он почувствовал, что краснеет под добродушным, но пристальным взглядом болельщика, который приподнял белёсую бровку. Действительно, ничего не смысливший в футболе Боря как-то сказал Маше, что если и болеть за кого, то за коней – эти животные эстетичнее других. Но футбольные шоу волновали его не более, чем передача «В мире животных». Люди носятся за нолём, бьются за ноль, сходят с ума по нолю – чем не метафора пустоты?

Маша рассказывала, что болеет папа с детства, истово, и семья вынуждена считаться с его болезнью: после поражения лучше его не трогать – он сворачивается в позе эмбриона и может так пролежать час...

Боря выдавил улыбку:

– Почему? Я тоже за «Динамо»!

Он имел в виду, что ему неважно, за кого, и он готов поддержать то боление, которое нравится их семье, – но Пётр Андреич уже просиял:

– Хочешь – со мной? Начало в семнадцать, – и он остро глянул на свои непромокаемые квадратные часы.

– О, для Воти это особое доверие, – подала хрипловатый голос Варя.

Дочери называли отца «Вотя» за его милый животик.

Боря подумал, что хутор – это хорошо. Посидеть на диване, неспешно попивая молотый кофе и глядя в плазменный экран, да просто скользить в тапках по дому, где нет змей, а есть гладкий пол.

– Не загуляй там! – игриво сказала Маша на прощание.

Они отправились вдвоём.

В речном пути молчали. Только один раз, обернувшись, Пётр Андреич крикнул сквозь ветер и треск:

– Ну как, нравится на Дону?

У него розовел и лупился нос.

Этот улыбочивый окрик не предполагал ничего, кроме подтверждения энергичным лицемерным кивком.

Ближе к берегу мобильник стал брать, и их встретил прежний киргиз на «Ниве», заботливо повторявший, что пиво уже закуплено.

При входе в дом Пётр Андреич обронил как бы между прочим:

– Тюки не будет, жалко.

– Кого?

– Тюкавина.

Боря осторожно уточнил:

– Почему?

– Он же кресты порвал.

Прозвучало загадочно, но тут же Боря сообразил: это кто-то из команды, за которую он тоже болеет.

– Вся надежда на Леща, – Пётр Андреич хихикнул чему-то своему.

– К пиву? – отозвался Боря.

– Лещука!

– А-а-а... – Не ведая, что это за гибрид леща и шуки, Боря подошёл к включённому телевизору, в котором уже бегали и шумели, и кто-то забивал кому-то, – и догадался: показывают лучшие моменты из прошлого.

Киргиз остался за порогом дома.

До матча хватало ещё времени, Боря сказал, что примет пока душ.

Наконец-то он сел на унитаз – на берегу надо было пробираться с лопатой в гущу леса, бр-р-р, такого не хотелось, а сейчас внутри него сладостно сдвигались какие-то заслонки, и он облегчался медленно и обстоятельно. Достал телефон, нашёл Wi-Fi, стал отвечать на сообщения и листать новости, вспомнил что-то – и вбил в поисковик. Мимо! Он проспорил Мише, но ошибался и тот. «Глазами клоуна» написал не Гюнтер Грасс, а другой немец – Генрих Бёлль. Та-а-ак, а что же написал Набоков? Боря вбил «Набоков клоун», искал, искал, и обнаружил, что имел в виду «Смотри на арлекинов!».

Закончив с унитазом, он долго и с удовольствием мылил руки под горячей водой, достал необходимое из захваченного с собой пакета, побрился и почистил зубы. На берегу он брезговал водой из умывальника, потому что в нём каждую ночь тонули мышки.

Он залез в ванну и стал поливать себя всего горячей водой, почти кипятком. Он только собирался выдавить гель в ладонь, когда в дверь раздалась три дробных ударчика.

– Начинается! – предупредил Пётр Андреич.

Через несколько минут, печалась, что не помылся толком, одетый в чистые майку и шорты из того же пакета, Боря вышел в гостиную.

Пётр Андреич смотрел на экран, то ли обиженный, то ли до предела сосредоточенный. В профиль, чуть кривя мешочком щеки в прожилках, он напоминал чуткого зверька, и Боря отметил, как он всё-таки бывает похож с Машей, пусть и бородат...

На экране уже носились бело-голубые и красно-синие, одинаковые для Бори, который стал с равнодушием подсчитывать, в какой команде больше чернокожих. Зрелище то отдалялось, то увеличивалось, парни бежали наперегонки, подпрыгивали, падали, а белый, в чёрных и красных пятнах, ноль издевался над ними, крутился на поле и в воздухе – всё под рокот трибун и сопение зрителя, который только однажды, когда мяч пролетел наискось возле чьих-то ворот, выдохнул: «Ну же, ну!» – и долгим глотком отпил из кружки. Боря попивал пиво, щёлкал фисташки, и даже немного втянулся, хотя и не понял, за кого переживать. Он впервые в жизни смотрел футбол так внимательно, это надо было отметить, выпил ещё, наблюдая

замедленный кадр: красный подошёл к белому, толкнул двумя руками, слегка, но тот рухнул навзничь на зелёное покрытие...

Комментаторы тараторили и хохмили, он вслушивался, пытаясь разобраться, но это были просто фамилии, не значившие ничего.

Как игроки ни пытались, забить не удавалось никому. В который раз толкучка опасно сместилась к краю.

Боря переводил взгляд с экрана на Петра Андреича.

– Давай! – выдохнул тот, подавшись к телевизору, и по тому, как хлопнул в ладоши в момент, когда в ворота залетел мяч, Боря понял, что это первая победа, и схватился за кружку:

– Ура!

Пётр Андреич хлопнул опять, себе по коленям, и хищно заглянул Боре в глаза:

– Ты за кого болеешь?

Вверху экрана загорелся счёт 1:0, и только так Боря догадал, что забил – противник, и кто в какой одежде.

– Даст бог, отыграемся, – сказал он вымученным тоном.

Пётр Андреич не ответил, подливая пива из бутылки.

Показывали замедленные кадры: мяч проносился под перекладиной, и упавший набок вратарь изумлённо оглядывался на ворота с гримасами ужаса, неверия и приятия, словно увидев свою смерть.

– А как его? – спросил Боря, решаясь на честность.

Пётр Андреич взглянул слепо, точно и сам переживал сейчас переход в мир иной:

– Что?

– Как его зовут?

Пётр Андреич пробормотал шипящую фамилию, но Боря не разобрал. Лещук?

И опять, как прежде, всё стало занудным и однообразным, и Боря засмотрелся поверх экрана на стену, изучая масляную картину в большой красноватой остроугольной раме: парк с осенними деревьями, среди которых из сизых сумерек проступала фигура в плаще и шляпе.

– Ну, ну! – несколько раз выдыхал Пётр Андреич, и досадливо махал рукой.

Мяч отскочил от головы коричневого парня-прыгуна в белой майке и залетел во вражьи ворота, опять совсем под перекладину.

– Есть! – Пётр Андреич взвился на диване и показал Боре открытую ладонь, радостно глядя ему в глаза.

Их пятерни с размаху состыковались.

– Ура! – теперь уверенно сказал Боря, и они чокнулись. – Ну что, коняшки, умыли вас? Ничё, колбасу сделаем... – Ему показалось, что он шутит как заправский болельщик, но Пётр Андреич покачал головой:

– Так не надо. Я никогда не злорадствую. Это плохая примета... – голос его задрожал, вероятно, от важности откровений.

Боря смущённо игрался черепками орешков, чувствуя себя нарушителем ритуала.

– Наши лучшие! – произнёс он, не поднимая глаз.

Он почесал затылок, и вспомнил, что так и не помыл голову. А удастся ли помыть её – или после матча они сразу потащатся обратно? Наверное, будет уже темно. Пётр Андреич рассказывал, что в прошлом году знакомый рыбак, сосед по хутору, в темноте напоролся лодкой на корягу, вылетел в воду и утонул. А сколько ещё жить на дурацком берегу? Маша говорила: всю неделю. Получается, дней пять.

Боря вновь покосился на Петра Андреича, и испытал боль от того, что уже взрослый, а вынужден сидеть с этим человеком, проводить время так, как не хочется, и имитировать футбольную страсть... А эта его вечная улыбочивость на самом деле сковывает и тяготит. Его лёг-

кость – мнима и навязчива, как хитрая роль. Но они играли оба, и Боря уже не мог прекратить свою игру.

– Ну, давай... – Пётр Андреич шевелил губами, почти беззвучно.

– Наши забьют, наши забьют... – так же слабо повторял Боря, настраиваясь на камлание.

Мяч загнанно заметался между фигурами, и совсем близко от вскинувшего руки вратаря закатился в ворота.

Пётр Андреич выругался матом.

– Что ты шепчешь? – вдруг спросил он подозрительно.

– Наши, говорю, забьют, – сказал Боря неожиданно для себя громко.

– Ты что, мудака?

Боря увидел, как бледнеет ветчинное лицо, даже хрящик на тонком носу побелел, и мёрзло твердеют голубые глаза, а в бороде загораются огненные нити, и, тоже злясь, но больше от страха, отвёл глаза и пихнул будущего тестя локтем в живот.

Пётр Андреич отреагировал мгновенно, с природным буйным восторгом... Он боднул Борю своей лысиной, оторвал от дивана и бросил на пол. Какая зверская сила!

Боря, чувствуя, как солонееет разбитая губа, быстро поднялся, подскочил к гремящему телевизору и толкнул с тумбы двумя руками.

Хруст – и тишина.

Владимир Березин. Скамейка запасных

*В сумерках спускающихся мгlistых,
С головы до ног в густой пыли,
Мы о легендарных футболистах
Разговоры долгие вели.*

*Помню, как звучало на полянке:
– Есть один. Играет он давно.
С левой – он мячом ломает штанги,
С правой бить ему запрещено...*

Константин Ващенко

Жарким июльским днём 195* года три усталых человека сидели на лавочке перед входом в Кунцевские бани. Внешне они напоминали братьев, потому что многое было в них одинаково – короткие причёски, у всех усы, а на простынях, заткнутых в узел на груди, синел невесть откуда взявшийся штемпель «ноги».

Плавилась кунцевская земля, да так, что хотелось снова вернуться в парную, прихватив веник.

Но времени у троицы не было.

Звала их государева служба, поэтому, чуть остыв, принялись они наматывать портянки и вбивать распаренные ноги в сапоги.

Было три голых гражданина, а стало три милиционера в белых гимнастёрках.

Щёлкнули пряжки, сели, как птицы, на три головы фуражки.

Двинулись они в своё отделение на дежурство.

Шёл на дежурство рядовой Егорушка, за ним сержант Николай Васильевич, а младший сержант Гришаня еле поспевал за ними, потому что был тороплив, портянку намотал криво, а известное дело: одна складка на портянке – лишний километр пути.

А теперь они снова говорили о футболе, что, как сменятся, сядут в электрический поезд, и увезёт он их почти к самому стадиону «Динамо».

Гришаня ездил туда с детства. Не только потому, что отец любил футбол, но ещё и оттого, что он с детства был отравлен повестью «Вратарь республики» и довоенным рассказом «Турецкие бутсы».

Друг отца каждый день гонял на «Сокол» грузовик, и брал Гришаню с отцом. Оставив грузовик у склада, они шли к конечной троллейбуса.

Троллейбус был огромный, двухэтажный, чудо Ярославского автомобильного завода. Женщины говорили, что на втором этаже им ездить нельзя, потому что мужчины будут смотреть им под юбку. Но, может, им было просто лень забираться по лестнице.

А у отца был свой резон – вся Москва двигалась на стадион из центра, а они ехали с окраины. Тоже давка, но всё же полегче.

Но троллейбус куда-то пропал, а отец умер. Стронулся в его теле осколок немецкой стали, и пошёл Гришаня в милицию. Денег в семье стало мало, а тут форма бесплатная и проезд дармовой.

Как-то приехали в Москву немцы – играть в футбол. Это, конечно, с их стороны, дело было рискованное, но кончилось всё 3:2, в нашу, а значит, и в его, Гришанину, пользу. Он вместе со всеми вопил на трибуне, потому что ему выдали билет в награду. Словил Гришаня карманника, случайно словил, новичкам везёт, и оказалось, что ценного подарка для него нет, кроме этого билета.

А, задуматься, так он – самый ценный. Люди меняли наручные часы на такой билет, он сам видел.

Когда Ильин закатил немцам третий мяч, Гришаня чуть не заплакал. Но не от радостных чувств, а от печали, потому что вспомнил отца. На этих немцев Гришаня зла не держал, он думал о другом: отец наверняка был бы с ним, отпустили бы его в отпуск из серого мрачного небытия, чтобы он беззвучно покричал с ним рядом. Смерть – дело случайное, значения на трибунах не имеет. Она – там, а тут – жизнь.

Теперь Гришаня ездил на «Динамо» вместе с сослуживцами. Иногда их везли туда организованно – в оцепление, но и у наружной стены они чувствовали удивительное излучение человеческой массы. Оно пробивало бетон, кирпич и даже в комендатуре стадиона шевелило плакаты и инструкции на стене. Много там было всего интересного, даже помимо игры.

Однажды они видели там знаменитого комментатора. Тот разговаривал с каким-то очкастым другом у входа.

Милиционеры оробели, и не стали не то что о чём-нибудь спрашивать великого человека, но и просто подходить близко к нему.

Услышали только, как он говорит другу: «Футболистам легко бегать по полю, а ты попробуй разумно прокомментировать их действия».

Очкастый оказался рядом с ними на трибунах, и Гришаня, преодолев неловкость, спросил, кто он.

– Композитор, – сказал тот просто.

Было понятно, что он издевается, не хочет отвечать. Но волновался и кричал очкастый не хуже прочих, и милиционеры простили его за фанаберию.

Но что там смотреть, им играть хотелось.

И так-то после службы они вместе гоняли мяч с токарями с непонятного оборонного завода, но у тех был свой график, а в рабоче-крестьянской милиции – свой.

Они исправно лупили по мячу, а команды – не было. Люди на поле тасовались как колода карт у цыганок, которые милиционеры каждую субботу отнимали у гадательных женщин. Милиционеры были несуетливы, да и цыганки были не в обиде – карты у них не переводились.

Как ни крути, больше трёх футболистов не находилось, а где взять восемь недостающих – непонятно.

В отделении они снова сели на лавку, как три богатыря. Над ними висели портреты товарищей, что пали на фронте или в боях мирной жизни. Да и то – солдат, может, и пришёл с войны, а для милиционера всюду война, только держись за свой наган.

Пришёл в отделение цыганский барон выручать своих женщин, потолковал с лейтенантом, да и вывел трёх тёток в цветастых юбках, пахнущих пылью и тленом.

– Ай, соколики, чую думу вашу, а ведь то, что надо, – рядом с вами, – завела одна из них свою шарманку, но на неё цыкнули все: и милиционеры, и товарки, и сам барон.

В понедельник троица пошла на стадион попинать мяч. Но токари с фрезеровщиками утомились государственной секретной работой. Не было никого.

И тут вдруг из предвечернего сумрака сгустились люди в форме.

Знаками показали, кто станет на ворота, как поделаться в поле.

Играли молча да яростно, как не было раньше.

Егорушка было решил, что это соседи из транспортной милиции, только не с их станции, а откуда подальше.

Пришельцы сделали их всухую, хоть и сначала добавили троице своих игроков.

Но что-то знакомое было Егорушке в этих лицах. Но и правду говорят, что всякий милиционер похож на другого.

Но точно. Это их портреты он каждый раз изучал на стене.

Вот Гамулин, который сгинул в сорок втором, а вот Шамшуринов, который на пожаре погиб. А этот худой – Степанов И. Е., которого застрелили бандиты в сорок девятом. Егорушка не помнил имени. Всех, всех их он видел на стене в отделении. Портреты были так себе: пересятые и увеличенные карточки с личных дел, на таких все выглядят чрезмерно сурово, будто люди перед этим выпили тазик новокаина.

Но играл-то Степанов И. Е. лучше прочих. Видать, кто-то всё же мог отпустить этих людей из мутного зазеркалья, продолжив их прерванные жизни.

Было видно, что Гришаня тоже всё понял. А уж Николай Васильевич догадался первым, недаром он был целый сержант.

Трое милиционеров сели в чайной на станции. Как знамение, над ними висела картина, изображающая рака. Он был в форме футбольного судьи, в пасти у него свисток. Рак стоял на горе, иллюстрируя известную поговорку.

Под этой картиной возник у друзей сумасшедший план.

Записали они своих мёртвых в команду; даром, что ли, поднимали пыль на стадионе? Рассуждали они просто: дело тут такое, мёртвый – не значит «неживой», а футбол всякого поднимет. Егорушка, к примеру, играл как-то с воспалением лёгких.

В следующую субботу они начисто расколошматили рабочих с оборонного завода.

Прослышав про такое, фрезеровщики с токарями послали лучших, но итог был точно такой же. Вечерняя игра была яростной, хоть рабочий класс несколько пугало, что милиционеры двигаются по полю как тени и бегают молча. Но до этого никому дела не было.

Лето катилось под горку, и милицейские обидели уже рабочих с фабрики Ногина.

На скамейках вокруг стадиона стали собираться постоянные зрители.

Как-то, сидя в чайной, мудрый Николай Васильевич объяснил товарищам, отчего так хороши их молчаливые друзья на поле.

– Видишь ли, Гришаня, всё дело в том, что иногда человек хочет понравиться публике. Был такой случай в 1948 году, когда армейцы играли с «Динамо» и Кочетков закатил гол в свои ворота. Тогда многие его хвалили, дескать, не отчаялся, после этого долго лупил в нашу динамовскую штрафную, ну потом Бобров таки забил. Всё это не так, защитник играл для трибун, а не для дела, поэтому и покинул свой пост, побежал вперёд. А у Боброва вышло только потому, что наш центрфорвард ошибся. А вот наши боевые бессмертные товарищи не для трибун играют, они – ради идеи стараются. Плевать они хотели на признание: главное дело в своей жизни они – сделали, а тут находятся – для души.

Но тут вышла странная история: кто-то из милицейского начальства похвастался районной командой в спорт-обществе.

И тут же приехало начальство из Москвы – да не на электрическом поезде, а на двух «Победах».

Оказалось, что начальство прослышало про спортивные успехи и хочет забрать лучших.

Егорушка было струхнул, но все трое решили: «В несознанку уйдём. Футбол у нас дворový, с кем играем – не знаем, да и весь сказ. Службе не мешает – и ладно». Они несколько раз повторили вслух заготовленные речи, потому что знали: сам рассказчик верит в многократно рассказанную версию события.

Но комиссии понравилось увиденное. Ничего комиссию не смутило, люди эти много повидали и понимали толк и в службе, и в футболе. Даже слухи о том, что скоро отменят само союзное министерство внутренних дел, таких людей не могли поколебать. Министерство, может, и отменят, а вот его любимое общество «Динамо» – никогда.

Главный, что был в генеральской форме, цокал языком.

– Вот этот защитник – феномен. А вратарь просто чудо. Надо брать в Москву.

Гришаня знал, что защитник – это Санька, что уж лет пять как на кладбище лежит, и на металлической пирамидке над ним орден Красной Звезды нарисован за служебные заслуги. Только тлению не подвержен, как настоящий советский человек.

Комиссия ушла довольная. А трое живых ещё долго сидели, смотрели на поле. Там было пусто.

Каждый из троих втайне надеялся, что выберут его, но нет.

Забрали в сборную как раз не несовершеннолетних живых игроков, а их молчаливых товарищей.

К ним-то претензий не было.

И вот три милиционера снова сидели на скамейке перед баней, как на скамейке запасных.

– А что, всё правильно, – сказал Егорушка. – Закон не нарушается, значит – можно. Вон лейтенант Смирнов в Сталинграде – и об этом справка есть, а справки о том, что он на воротах стоять не может, – такой справки нет. Значит, всё правильно. Великое дело – футбол, всякого поднимет, только воля к победе должна быть.

– Ничего не правильно, – возразил Гришаня. – Так себе он голкипер. Бегает много. Вот Кацман, которого залётные на станции убили, тот – да. У него талант от бога. А из Смирнова – что? Дырка он, а не голкипер. Хоть и человек героический.

Футбол всё по местам расставляет.

Рагим Джафаров. Традиция (пьеса в двух таймах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИША – жених

НИНА – невеста

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ – отец Миши

ИРИНА ИВАНОВНА – мать Миши

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ – отец Нины

ОФИЦИАНТ – официант

ТАЙМ ПЕРВЫЙ

Ресторан. Все читают меню. Официант торопит угодливым присутствием.

НИНА: Ирина Ивановна, а что вы будете пить?

ИРИНА ИВАНОВНА: Ой, Ниночка, знаете... Вино, наверное.

НИНА: Красное или белое?

ИРИНА ИВАНОВНА: Да, Ниночка, пожалуй.

НИНА: Пожалуй что?

ИРИНА ИВАНОВНА: Пожалуй, вино.

НИНА: Красное или белое?

ИРИНА ИВАНОВНА: Да, Ниночка.

МИША (*шёпотом*): Господи, да возьми оба! (*В голос, преувеличенно бодро*) Мужчины, а мы как? Беленькой?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Извините, сегодня не получится.

МИША: Бать? Поддержишь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Да я чайку...

Ирина Ивановна с подозрением косится на мужа.

МИША: Случилось что?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Да нет...

МИША: На таблетках?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Чего ты пристал-то? Обязательно бухать, что ли?

МИША: Да нет...

НИНА: Па-а-ап? А ты чего не пьёшь?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Да у меня чего-то желудок. То ли с дороги как-то растрясло, поезд этот...

НИНА: Я говорила: езжай Сапсаном.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Я его терпеть не могу, никакой романтики. Бездушно это всё.

НИНА: Никакой тебе курицы, никаких тебе соседей по плацкарту?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Вот-вот!

НИНА: И выпить не с кем?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: И это тоже.

НИНА: Так сейчас выпей.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Да я... Желудок...

НИНА: Ты же всегда желудок тутовой водкой лечишь.

МИША (*аккуратно толкает невесту под столом коленом*): Да чего ты пристала к человеку?

ОФИЦИАНТ: Пьют только дамы?

МИША: Нет, мне графин грамм на триста и три рюмки. Если вдруг кто захочет – присоединится. И две бутылки вина. Белое и красное.

ОФИЦИАНТ: Прекрасно, по еде вы готовы или подойти попозже?

ИРИНА ИВАНОВНА: Ой, молодой человек, а вот что вы посоветуете?

ОФИЦИАНТ: А что вы любите?

ИРИНА ИВАНОВНА: Бродского.

ОФИЦИАНТ: Посоветую не выходить из комнаты.

ИРИНА ИВАНОВНА (*наигранно смеется*): Вы такой шутник!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Ира, ты ещё не пила даже...

ИРИНА ИВАНОВНА: Не бухти! Я волнуюсь...

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Мне оливье.

Все за столом одновременно заказывают, уточняют, тараторят. Через минуту одновременно замолкают.

ОФИЦИАНТ (*невозмутимо*): Позвольте повторить заказ?

Все за столом хором: не нужно. Официант исчезает. Некоторое время все молчат.

ИРИНА ИВАНОВНА: Ниночка, напомните, пожалуйста, а кем вы работаете?

НИНА: АІ-контрибутор.

ИРИНА ИВАНОВНА: Понятно.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Я тоже не понимаю, что это значит.

Некоторое время все молчат. Появляется Официант. Расставляет напитки. Исчезает. Миша наливает себе водки, жестом предлагает мужчинам. Те жестами отказываются. Хватаются за свой чай. Миша поднимает рюмку.

МИША: Ну что... Наверное, надо как-то... Да чего выдумывать, давайте за знакомство!

Все чокаются. Миша наклоняется к Нине.

МИША (*шёпотом*): Что происходит?

НИНА (*шёпотом*): А что происходит?

МИША: Мой батя с твоим не чокнулись. Даже чаем. Они и не поздоровались, кажется, когда мы всех познакомили. Руки не пожали. Надо как-то понять тихонько...

НИНА (*в полный голос*): Папа, что происходит?

Миша давится водкой, кашляет. Нина смотрит в упор на отца и бьёт жениха по спине.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: А что происходит?

НИНА: Мозги мне не делай. Ты не поздоровался, не чокнулся. В чём дело?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Дочка, ну давай не будем.

НИНА: Давай не будем, действительно. Только давай тогда я, а не ты буду сидеть с таким видом, будто у меня под носом говной намазано.

МИША: Нина!

ИРИНА ИВАНОВНА: Ниночка, ну что вы!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Подождите! Спокойно! Это наши дела, вас это не касается. Сидим спокойно, никого не трогаем.

МИША: Это какие такие ваши дела?

ИРИНА ИВАНОВНА: Ах ты... ты... (*возмущённо раздувает ноздри и округляет глаза*)
Негодяй!

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ (*себе под нос*): Вообще, это я из Питера...

ИРИНА ИВАНОВНА: Я так и знала! Так и знала! (*В три глотка выпивает бокал и зло ставит его на стол.*)

МИША: Что знала? Мам?

Все смотрят на Ирину Ивановну. Она зло смотрит на Павла Андреевича. Тот медленно неохотно задирает рукав. На предплечье – татуировка с буквой «Д».

НИНА: И что это?

МИША: «Динамо». А вы, Кирилл Петрович?

НИНА: «Зенит», и что?

МИША (*со вздохом берётся за голову*): Еханный бабай...

ИРИНА ИВАНОВНА: Сколько ты мне крови с этой ерундой в молодости попил! И всё мало? Детство не доиграло?! Вот сейчас это тут при чём?! Ты не на футбол приехал!

НИНА: Подождите, по-до-жди-те! Это вы в смысле за разные команды болеете – и поэтому... Даже выпить друг с другом не можете? Не разговариваете даже! Пап, ты чего, с ума сошёл, что ли?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Дочка, тут... немножко сложнее всё...

НИНА: Сложнее чем что?! А если бы я за ЦСКА, например, болела бы? Ты бы и со мной не разговаривал?!

МИША: Не нагнетай тоже!

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Если за ЦСКА, то разговаривал бы.

НИНА (*указывает на Павла Андреевича*): А если за этих?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Нина, вы так не рубите. Вы не понимаете...

МИША: Так объясните нам! Я вот тоже не догоняю! Бать, ну ты хотя бы! Чего у вас за вражда такая, что это важнее... Свадьбы, сына.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Да кто ж вам мешает?! Хотите – женитесь, хотите – ебитесь! Чё ты насел-то на меня?!

Павел Андреевич бьёт кулаком по столу. Звонит посуда. Опрокидывается бокал, проливается вино. Из воздуха появляется Официант.

ОФИЦИАНТ: Господа! Я вынужден попросить вас чуть сбавить тон вашей беседы, чтобы она не отвлекала других гостей. Позвольте, я вытру.

Некоторое время все стыдливо молчат. Официант вытирает вино, расставляет еду. Миша молча наливает себе рюмку. Выпивает. Громко хрустит огурцом. Кирилл Петрович и Павел Андреевич с завистью смотрят.

МИША: Ну, в целом, вы, конечно, правы. Это дела ваши. Нас это не касается. Сами разберётесь...

НИНА: Ага. Точно. Вы сами разберётесь, и мы сами разберёмся. Не хотите знакомиться с будущей роднёй? Да и не надо! Всё, езжайте домой!

МИША: Нин, ну чего ты... Чего ты масла-то в огонь подливаешь?

НИНА: А, главное забыла! Сына решили назвать Витей!

МИША: Ну Нина!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: В каком смысле?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Ты беременна?!

ИРИНА ИВАНОВНА: Чьего сына?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Почему Витя?

Появляется Официант. Ставит ещё еду. Все молчат. Переглядываются. Официант исчезает.

МИША: Мы хотели вам попозже это сообщить. Но раз уж так всё... И сразу скажу: нет, женимся мы не из-за этого, так совпало. Мы любим друг друга, ну и...

ИРИНА ИВАНОВНА (*истерично*): Ну и счастья вам! Ну и молодцы!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Кто решил, что... Ребёнка Витей назовёте?

Кирилл Петрович хмыкает, но сдерживается от смеха. Жестом извиняется.

НИНА: А что не так с именем Витя?

Кирилл Петрович и Павел Андреевич переглядываются, но молчат.

МИША (*наливая себе ещё водки*): Вместе решили. Но раз уж у нас такой вечер... ну... прямолинейный. Вы, может, уже расскажете, откуда вы друг друга знаете? Ну, то есть в общих-то чертах мы поняли. А по существу?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ (*подвигая свою рюмку к Мише*): На футболе пересекались.

ИРИНА ИВАНОВНА: Знаю я, как вы пересекались! Шрам вон видите? Над левой бровью. Вот они... вот.

МИША: Мам, это третий бокал уже.

НИНА: И что? Хочет человек выпить!

ИРИНА ИВАНОВНА: Я тебе говорила! Надо было дочку рожать.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Как будто это от меня зависело!

ИРИНА ИВАНОВНА: Почему от тебя вообще никогда ничего не зависит?! Ни футбол твой этот, ни всё остальное!

МИША: Мам, ну всё, хватит!

НИНА: Ну так? Кто-то расскажет нам всю историю?

ТАЙМ ВТОРОЙ

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Да там особо нечего рассказывать. Спросите вон у динамика, почему у них ничего святого нету.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: У нас нету?! Ир, ну ты слышала, а?!

Ирина Андреевна молча смотрит на мужа с бокалом вина и скептическим лицом.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: А баннер с Яшиным напомнить?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Лучше напомни карточки...

НИНА: Напомните! Нет, подожди, Миш, ну серьёзно. Я ничего в ваших футбольных делах не понимаю. Расскажите. Дайте мне возможность проанализировать это ваше... Чем бы оно ни было.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*драматичным отработанным тоном*): Да что там рассказывать. Я детали уже плохо помню. 16 ноября 2008 года...

МИША: Ну да, детали прям стёрлись, я смотрю...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Фанаты «Зенита» пронесли на стадион и развернули баннер, на котором было написано «Сдох ваш Яшин – сдохнет “Динамо”».

Некоторое время все молчат.

НИНА: То есть... Это из-за плаката вы... как собаки друг на друга рычите?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*взрывается*): А это нормально, по-вашему?!

Ирина Андреевна: Паша, ну всё, хватит, смотрят же все, ну что ты завёлся, неудобно уже перед людьми...

НИНА Мише (*шёпотом*): Кто такой вообще этот Яшин?

МИША (*шёпотом*): Господи?! Ты серьёзно?! Легендарный вратарь же!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Ну вот что ты на это скажешь, а?!

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Да ничего. Давай...

МИША: Подождите! А в самом деле! Извините, что перебиваю, но вы ж всё равно без толку ругаться будете. Давайте попробуем обе стороны послушать? Вот представитель «Зенита». Ну, раз уж говорим, да? Мы вот с Ниной просто хотим разобраться. Мы просто слушаем и не осуждаем, всё такое...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*подвигая рюмку Мише*): А надо бы осуждать такое. Надо.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Согласен! Нет, в самом деле. Я тоже думаю, что такое надо осуждать. Хотите мою версию? Пожалуйста. Сделали это какие-то дураки малолетние. Никто из наших ultras такое бы не одобрил. Между прочим, потом были официальные извинения. Хреновый плакат? Да. Но всех тут под одну гребёнку – нельзя. Меня, кстати, вообще на том матче не было. А теперь про осуждение. Может, про карточки расскажешь, а?

НИНА Мише (*шёпотом*): Ультрас?

МИША Нине (*шёпотом*): Хрен знает.

НИНА: А что за карточки? О чём речь?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Карточки были – после плаката с Яшиным! Это какие-то малолетки дурные делали!

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: А когда я то же самое говорю, это другое, да?!

НИНА: Да что там было-то?!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Глупость там была. Я лично не знаю ни одного человека, который такое не осуждал бы. Никто из хулиганья такой ерундой не занимался бы.

Павел Андреевич быстро опрокидывает рюмку. Не морищится, не закусывает и не занюхивает.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: В двенадцатом году, заметьте, всё это было. После темы с Яшиным, в Химках играли. Наши и бомжи...

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: От мусора слышу!

ИРИНА ИВАНОВНА: Бросьте это! Вы сначала расскажите нормально, а потом подерётесь!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*примирительно поднимает руки*): Играли «Динамо» и «Зенит». Ну и перед матчем какие-то дурачки решили подколоть питерских. Не знаю я, в чём тут юмор, и не разделяю его. Говорю же, малолетки дурные. Нашли бы – по башке надавали бы. А мы искали тогда, между прочим...

МИША: Да что сделали-то? Бать, ну чё ты давишь рубль по копейке?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Распечатали карточки. Ну... На хлеб. Как во время блокады. Раскидали по дороге на стадион. Часть вроде бы с моста прям на фанатё питерское побросали.

Некоторое время все молчат, пытаясь переварить сказанное.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ (*жестом подзывая Официанта*): Как там было? Слушаем и не осуждаем, а? Будьте добры, ещё триста.

ОФИЦИАНТ: Вино повторим?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Две бутылки же заказывали?

ИРИНА ИВАНОВНА: Я была взволнована. Ещё бутылочку будьте добры.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Да куда тебе... (*натывает на взгляд жены*) Ещё бутылочку, да... Будьте добры.

ОФИЦИАНТ: Принято.

НИНА: Ну... А в чём подколоть карточек? Это вообще как относится к футболу?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Я понятия не имею! Говорю же! Это глупость! Ну всем здравомыслящим людям понятно же, что это просто бред!

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: А вот с Яшиным это другое, да? Не глупость, не малолетки, это спланированная акция, за которую ответственность несут все?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*задумчиво разглядывая рюмку*): Может, и нет.

НИНА: Ну может на этом и договоритесь? Всё порешали?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ (*смеясь*): Это-то не проблема. Это у нас только разминка.

МИША: Я так понимаю, ещё что-то было?

Кирилл Петрович и Павел Андреевич смотрят друг на друга и одновременно грустно улыбаются.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ Кирилл Петрович и (*хором*): Юбилейный.

ОВЕРТАЙМ. ТАЙМ ПЕРВЫЙ

НИНА (*устало вздыхает*): Опять какой-то баннер или ещё какая глупость?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Ну... Баннер тоже был...

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Тоже скажешь – малолетки? А? Глупость?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Я не знаю! Меня не было на том матче. Был бы, наверное, не дал бы развернуть. Это даже не глупость. Не знаю.

Кирилл Андреевич: А подстава на «Речном вокзале»?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Там был, знаю я все эти претензии, но справедливости ради – сыпались ваши как бабы.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Ты в атаке-то не офигевай!

НИНА: Так, тормозите! Что за баннер?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Что? А, ты про Юбилейный. В две тысячи десятом году во время матча кто-то развернул баннер...

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Кто-то! Кто бы это мог быть?!

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Да не ной ты! Кто-то из наших! Так лучше, доволен? Ну вот, кто-то из наших развернул баннер с рукой и арматурой. И надпись была.

МИША: Какая?

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: «С Юбилеем, парни».

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Ну вот кем надо быть, чтобы такое сделать? А? Ну вот раз мы тут сидим за одним столом...

Появляется Официант. Ставит напитки. Все молчат. Официант исчезает. Миша наливает в три рюмки.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ (*задумчиво смотрит перед собой*): Я не знаю. Не я это делал. Я думаю, они не совсем понимали...

МИША: Я чёт никак не пойму, что с этим плакатом не так? С каким юбилеем? Что обидного?

Павел Андреевич и Кирилл Петрович смотрят друг на друга. Молча синхронно выпивают, не отрывая взглядов.

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Тут надо знать... контекст. Там слово «юбилей» в двух смыслах сразу. За десять лет до баннера, в двухтысячном году, играли «Зенит» и «Динамо». Год как наши забрали у москвичей кубок. Эти-то думали, что он вечно у них будет...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ: Ты не отвлекайся там!

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Ты не плачь только! 15 апреля 2000-го это было. Погода была прям не питерская какая-то... Пасмурно, но без дождя, без ветра...

НИНА: Ты там был, что ли?

КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ: Нет, дочка! Просто историей метеорологических наблюдений интересуюсь! Мы стояли около спорткомплекса «Юбилейный». Того самого, где Талькова застрелили.

МИША Нине (*шёпотом*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.